

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 3 / 2024

WWW.RUS-LAW.ONLINE

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ «РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АНТОНЯН Елена Александровна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЕМОВ Николай Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
ЛАПАЕВА Валентина Викторовна	д. ю. н., главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
ЛАПТЕВА Людмила Евгеньевна	д. ю. н., профессор, декан юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д. ю. н., доцент, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к. ю. н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАКАРЕНКО Вероника Сергеевна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Elena A. ANTONYAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law named after V.E. Eminov of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice
Valentina V. LAPAEVA	Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences
Lyudmila E. LAPTEVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Veronika S. MAKARENKO	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Скоробогатов А. В. Литературный нарратив в правовом дискурсе России.....	5
Гришина Т. М. Исторические традиции и ценности как основа правовой системы России	14

РАКУРС

Ахмятжанова Д. Р. Конституционный проект М. М. Сперанского	20
Кащенко А. С. Эволюция дореволюционного отечественного конституционализма	25
Рачков В. Р. Соблюдение конституционных прав граждан в сфере платформенной экономики	29

РОССИЯ

Шауро И. Г., Плеханова М. А. Организационно-правовые основы деятельности приказной системы центрального управления в России (конец XV — первая половина XVI в.)	37
Игитханян Н. С. Правовые аспекты демографической политики в Российской империи	42
Лясевич Т. Г. Об опыте построения новой идеологии в условиях переходной государственно-правовой системы (на примере Российской республики в феврале — октябре 1917 г.)	46

МИР

Грищенко Л. Л. Первичность коммерческой выгоды над идеологией в войнах и вооруженных конфликтах	53
Смазнов В. Т. Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г. (историко-правовой аспект)	57

CONTENTS

TRENDS

Skorobogatov A. V. <i>A Literacy Narrative in Legal Discourse of Russia</i>	5
Grishina T. M. <i>Historical Traditions and Values as Foundation of the Russian Legal System</i>	14

FOCUS

Akhmyatzhanova D. R. <i>Mikhail M. Speransky and his Constitutional Project</i>	20
Kashchenko A. S. <i>The Evolution of Pre-Revolutionary Russian Constitutionalism</i>	25
Rachkov V. R. <i>Respect for Constitutional Rights of Individuals in Platform Economy</i>	29

RUSSIA

Shauro I. G., Plekhanova M. A. <i>Organizational and Legal Grounds for the Activities of the Prikaz System of Central Government in Russia (Late 15th — First Half of the 16th Century)</i>	37
Igitkhanyan N. S. <i>Legal Aspects of Demographic Policy in the Russian Empire</i>	42
Lyasovich T. G. <i>Building a New Ideology in the conditions of a Transitional State-Legal System (the Case Study of the Russian Republic in February — October 1917)</i>	46

THE WORLD

Grishchenko L. L. <i>The Primacy of Commercial Gain over Ideology in Wars and Armed Conflicts</i>	53
Smaznov V. T. <i>The Soviet-Japanese Basic Convention of 1925 (the Historic and Legal Aspect)</i>	57

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.31.3.005-013

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАРРАТИВ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

Скоробогатов Андрей Валерьевич,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, доктор
исторических наук, доцент
420101, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42
av.skorobogatov@mail.ru

© Скоробогатов А. В., 2024

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли литературного нарратива в конструировании и содержании отечественного правового дискурса. На основе коммуникативной методологии рассмотрены ценностные аспекты воздействия произведений художественной литературы на сознание и поведение субъектов права, а также конструирование правовой реальности. Анализ литературного нарратива как совокупности произведений художественной литературы, имеющих бытование в определенном пространственно-временном континууме, позволил сделать вывод, что литературный нарратив одновременно является специфичной формой познания правовой реальности и средством воздействия на сознание и поведение человека в процессе правовой социализации. Из всех социокультурных парадигм, опосредующих восприятие человеком сущности права не только в юридическом, но и в социальном смысле, именно художественная литература занимает наиболее значительное место. Выступая формой коллективного сознания, литературное произведение в процессе правовой коммуникации транслирует информацию о ценностных установках, реализация которых позволит придать правовому поведению адресата целенаправленный характер и обеспечит его идентификацию с сообществом, членом которого он является. Сформированные в отечественных художественных произведениях образы права и правовой реальности являются экспликацией правовых архетипов и транслируют примат ценностного компонента правовой реальности над нормативным.

Ключевые слова: правовой дискурс; правовая реальность; правовая коммуникация; право и литература; литературный нарратив; художественная литература; правовая идентификация; правовая ценность; правовая социализация; интерпретация.

A LITERACY NARRATIVE IN LEGAL DISCOURSE OF RUSSIA

Andrey V. Skorobogatov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory of the State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. *The paper elucidates the role of a literacy narrative in the construction and content of domestic legal discourse. On the basis of communicative methodology, the author examines the value aspects of the impact of the fiction on the consciousness and behavior of subjects of law and the construction of legal reality. An analysis of the literacy narrative as a collection of works of fiction having existence in a certain space-time continuum made it possible to conclude that the literary narrative is both a specific form of knowledge of legal reality and a means of influencing human consciousness and behavior in the process of legal socialization. Of all the sociocultural paradigms that mediate a person's perception of the essence of law, not only in the legal, but also in the social sense, it is fiction that occupies the most significant place. Being a form of collective consciousness, a literary work in the process of legal communication broadcasts information about value attitudes, the implementation of which will make it possible to give the addressee's legal behavior a purposeful character and ensure its identification with the community of which he is a member. The images of law and legal reality formed in domestic works of art are an explication of legal archetypes and broadcast the primacy of the value component of legal reality over the normative.*

Keywords: *legal discourse; legal reality; legal communication; law and literature; literary narrative; fiction; legal identification; legal value; legal socialization; interpretation.*

Современная гуманитаристика характеризуется интерпретацией правовой реальности как сложного явления, которое имеет множество различных проявлений. Будучи экспликацией понимания добра и зла, должного и сущего в пределах определенного пространственно-временного континуума, право может проявляться не только в официально закреплённой форме нормативного правового акта, но и существовать в виде невербализованных норм социального и индивидуального права, определяя вектор, содержание и функционирование правовой жизни человека.

Множественность форм существования права в правовой реальности артикулирует полифонизм его интерпретаций, которые варьируются от фактографического подхода эксклюзивного позитивизма до символической экспликации в семиотике права. При этом для постклассической рациональности все интерпретации права и правовой реальности имеют равноценный характер, позволяя не только максимально широко охватить правовое бытие человека, но и вписать его в социальную реальность, объяснить смысл и назначение права для отдельного индивида с учетом интерпретативного потенциала его сознания, детерминированного ценностными установками сообщества, с которым он себя идентифицирует.

Это предполагает необходимость усиления исследовательского внимания к небюрократизированным формам бытия права, отражающим правовую реальность на уровне символов как специфичных культурных кодов социального познания¹. В качестве символического средства экспликации правовой реальности при этом могут использоваться не только визуализированные средства, но и вербальные.

¹ Bittar E. C. B. *Semiotics, Law & Art. Between Theory of Justice and Theory of Law*. Cham : Springer, 2021. P. 51.

Наиболее ярким примером последнего является художественная литература², имеющая бинарное значение в социальной и правовой реальности. С одной стороны, художественное произведение является экспликацией авторской рефлексии правовой реальности, которую он как адресант транслирует в процессе социальной коммуникации. С другой стороны, для читателя художественное произведение выступает в качестве одного из специфичных источников познания этой реальности, оказывая воздействие не только на рефлексивные оценки как на отдельные элементы реальности, так и реальности в целом, но и на конструирование в сознании читателя как адресата коммуникации определенных ценностных установок на совершение действий, которые автор текста считает правомерными, и запрет на неправомерные деяния. При этом автор может выразить свое отношение к правовой реальности как непосредственно, так и опосредованно, вложив определенные правовые идеи в высказывания или действия героев. Однако данные установки не будут абсолютами. Их интерпретация в сознании индивида детерминирована ценностными ориентирами сознания, которые сформированы в процессе правовой социализации и соответствуют системе правовых ценностей социума, с которым он себя идентифицирует. Воздействие произведений художественной литературы на сознание индивида будет тем выше, чем больше степень корреляции ценностных ориентаций автора текста и социального окружения читателя³.

Особенно это актуально для первичной правовой социализации. Однако это предполагает управляемость процесса правовой социализации не только педагогически, но и доктринально, в том числе по отношению к литературному образованию. Элементом управляемости последнего можно считать выбор художественных произведений для изучения в школе, который не столько обусловлен литературным процессом, сколько задачей формирования в сознании подрастающего поколения духовно-нравственных и правовых ценностей, необходимых для адаптации в социуме в определенном пространственно-временном континууме⁴.

Это позволяет говорить о том, что художественная литература не только отражает существующую правовую реальность, но и формируя ценностные установки сознания человека, способствует его адаптации в существующей реальности, а также может влиять на конструирование новой реальности. Последнее будет актуальным, если в художественном произведении представлен образ человека-творца, демиурга, способного своими действиями изменять реальность и творить новую. При чтении такого произведения в сознании адресата формируется парадигма социально активного субъекта — адресанта коммуникации, реализация которой будет методологической основой конструирования реальности⁵.

Если в зарубежной юриспруденции направление «право и литература» уже заняло достойное место не только на уровне академической историографии⁶, но и в учебном процессе⁷, то для России проблема исследования литературной экспликации правовой реальности является относительно новой и пока не институализированной. Лишь в последние годы стали появляться работы, посвященные не только анализу

² Кодан С. В. Художественная литература и история государства и права России: грани взаимодействия // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 34–42.

³ Нейстат А. А. Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917–1929 гг. Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2000.

⁴ Пашенцев Д. А. Правовые ценности в условиях цифровизации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сборник научных трудов. М. : Инфра-М, 2020. С. 177–182.

⁵ Лихтер П. Л. Влияние художественной литературы на формирование конституционно-правовых институтов в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. С. 60–68.

⁶ Posner R. A. Law and Literature. 3rd ed. Cambridge, London : Harvard University Press, 2009.

⁷ См., например: Hutson L. (ed.) The Oxford Handbook of English Law and Literature, 1500–1700. Oxford : Oxford University Press, 2017.

образа права в литературном наследии отдельных авторов⁸, но и направленные на осмысление значимости литературного нарратива для конструирования юридического дискурса и правовой реальности⁹.

При исследовании экспликации правовой реальности в произведениях художественной литературы необходимо учитывать, что речь идет о вторичной интерпретации. Создавая произведение, писатель не стремится к фактографическому отражению социальной реальности, а, выражая свое ценностное отношение к ней, творит специфичное художественное пространство, которое не является и не должно являться адекватным образом социальной реальности. Однако автор не находится в вакууме и не может полностью устраниться от воздействия на его сознание правовой жизни. Это обуславливает, с одной стороны, присутствие в любом художественном произведении явных или скрытых аспектов правовой реальности, а с другой — осуществленная автором феноменологическая редукция реальности детерминирована правовой культурой данного пространственно-временного континуума, а следовательно, выражает интерпретацию права не только отдельного индивида, но и сообщества, с которым он себя идентифицирует. В этом смысле художественное произведение можно рассматривать как символическую репрезентацию двух форм правовой реальности. Во-первых, писатель стремится изложить представления об идеальной реальности, выполняя при этом деонтологическую функцию адресанта правовой коммуникации и стремясь донести до читателя-адресата ценностные установки и этические императивы поведения, необходимые для повышения эффективности функционирования существующей правовой реальности или конструирования новой, более эффективной реальности¹⁰. Во-вторых, в пространстве художественного произведения находят отражение реально существующие правовые явления.

Это позволяет рассматривать художественную литературу как часть правового дискурса. Онтологически художественную литературу можно рассматривать как особую разновидность правосознания, характеризующуюся неинституциональностью, национальностью¹¹, историзмом и символизмом. При этом право и литература пересекаются не только содержательно, но и функционально, оказывая воздействие на поведение человека¹². Гносеологически художественная литература выступает одним из способов познания правовой реальности, характеризующимся феноменологической редукцией правового бытия человека в пределах пространственно-временного континуума. Аксиологически художественная литература является средством не только оценки содержания, развития и функционирования правовой реальности, но и формирования в сознании читателя ценностных ориентаций, необходимых для адаптации в правовой реальности.

Последний аспект в коммуникативном контексте может быть представлен в двух формах: 1) информация о правовых ценностях, которые автор-адресант транслирует читателю-адресату, стремясь сформировать в его сознании этический императив поведения, соответствующий ценностным ориентациям сообщества, с которым себя идентифицируют и автор, и читатель (прежде всего речь при этом идет о воздействии на формирование общественного правосознания в процессе правовой социализации); 2) информация о содержании, формах и последствиях конфликтов правовых

⁸ См., например: *Харабет К. В.* Девиантность и социально-правовая тематика в творчестве и жизни поэтов Серебряного века (М. Цветаева, С. Есенин, В. Маяковский) // *Российская юстиция*. 2020. № 1. С. 40–44.

⁹ *Исаев И. А.* Мифологемы закона: право и литература. М.: Проспект, 2021.

¹⁰ *Smith C.* Who Wouldn't Want to Be a Person? Histories of the Present in Law and Literature // *Anker E. S., Meyler B. (eds.) New Directions in Law and Literature*. New York: Oxford University Press, 2017. P. 51.

¹¹ Национальность в данном случае понимается не этнически, а политически (см. подробнее: *Anderson B.* *Imagined. Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. ed. London, New York: Verso, 2006).

¹² *Miller J.* *The Structures of Law and Literature: Duty, Justice, and Evil in the Cultural Imagination*. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2013. P. 13.

ценностей, обусловленных различием в ценностных установках субъектов (большое внимание при этом уделяется как внутренней борьбе человека с господствующей системой ценностей, так и формированию установки на приоритет социальных ценностей над индивидуальными как средстве социальной адаптации индивида). Однако адресат способен воспринимать транслируемую информацию критически, подвергая ее ценностной рефлексии на основании индивидуального и социального правового опыта. Именно последний аспект и будет окончательным этапом аксиологического воздействия на правосознание и правовое поведение человека.

Анализ произведений художественной литературы XVIII — начала XXI в., написанных российскими авторами, показывает, что мейнстримом в интерпретации правовой реальности является конструирование сюжетов как форм экспликации правовых фактов в динамике таким образом, чтобы дать читателю набор позитивных правовых образов и идеальных вариантов правового поведения (с учетом ценностной их мотивации), соответствующих правовым архетипам (а в трансгрессивном обществе и кенотипам). Зачастую произведения, являющиеся маргинальными в определенном пространственно-временном континууме, при ретроспективном к ним отношении могут вписываться в мейнстрим. Примером может служить «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, которое изучалось в советской школе не столько в литературном контексте, сколько в идеологическом, соответствуя архетипу справедливости и ориентируя подрастающее поколение на защиту «слабых и обиженных»¹³. Это позволяет активно использовать художественную литературу в правовой социализации, но тогда должен быть решен вопрос, в каком порядке необходимо изучать отдельные произведения, чтобы получить максимально возможный аксиологический эффект.

Сравнительный анализ сюжетов художественных произведений, связанных с правовой проблематикой не только непосредственно (прежде всего детективного жанра), но и опосредованно (присутствие в тексте деяний и фактов, связанных с правовым бытием человека), позволяет утверждать, что, конструируя сюжет, автор стремится передать читателю информацию о правовом идеале, господствующем в данном обществе, но не обязательно совпадающем с официальным правом. Так, являющийся поборником справедливости Дубровский в одноименной повести А. С. Пушкина с позиций законодательства считается преступником.

Конструируя правовую реальность художественного произведения, автор стремится к модальности положительных литературных образов. Это не только отражает особенности художественной литературы как специфичной формы не столько индивидуального, сколько коллективного сознания¹⁴, но и позволяет отразить деонтологический характер действующего права¹⁵. В то же время образ правовой реальности, сконструированный в художественном произведении, имеет узнаваемый характер, соответствуя феноменологической природе права, что позволяет читателю, уподобляя себя литературному герою, ментально совершать действия, необходимые для воспроизводства правовой реальности. Тем самым в сознании читателя формируется соответствующая ценностная установка, апробированная литературно-правовым опытом. При этом он конструирует собственный стереотип правового поведения как реакцию на определенные внешние раздражители. Реализация этих стереотипов в правовом поведении позволяет придать последнему целенаправленный характер и поднять его до уровня социально активного.

¹³ Костин А. А. А. Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе : сборник статей / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб., М. : Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 10–25.

¹⁴ Песоцкий В. А. Содержание и сущность художественной литературы: опыт философского анализа // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. Вып. 2. С. 88–107.

¹⁵ Максимов С. И. Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. С. 49–50.

Несмотря на различия в правовых сюжетах российской литературы на протяжении последних двух столетий, общая символика приоритета ценностного, нравственного компонента над формальным правом присутствует в качестве константы. Это обуславливает, во-первых, переиздание произведений не только российских и советских классиков, но и писателей не столь известных, например И. И. Лажечникова и В. В. Крестовского. Во-вторых, получило широкое распространение обращение к историко-правовым сюжетам современных авторов, среди которых в первую очередь следует назвать Б. Акунина. В-третьих, этот сюжет активно осваивается фантастической литературой, особенно в жанре героического фэнтези, где большое внимание уделяется нравственному аспекту поведения героев. Примером могут служить работы Н. Пурумова, М. Семенов и В. Камши. Главным при этом становится использование аксиологического потенциала сконструированного образа правовой реальности для оценки действий как персонажей художественного произведения, так и окружающих читателя лиц в современной ему действительности. Чем более талантливым является писатель, тем значительнее аксиологический эффект его произведений не только в определенном пространственно-временном континууме, но и в глобальной перспективе, в том числе и при формировании внешней оценки национального правосознания. Примером может служить неослабевающий интерес зарубежных ученых к творчеству Ф. М. Достоевского при анализе особенностей российской ментальности¹⁶.

Специфика художественной литературы как формы общественного сознания предполагает, что сконструированный в ней образ правовой реальности не является простым отражением существующей действительности. Речь идет о принципиально ином мире текста, который может быть интерпретирован герменевтически¹⁷. Многоуровневость и многокомпонентность правовой реальности проявляется в художественном произведении в виде смысловых уровней познания и оценки текста, включая экспликацию правовой реальности:

- художественный образ правовой реальности, сконструированный в тексте;
- социальное содержание правовых явлений, побудившее автора к написанию текста;
- философско-правовая идея, сторонником которой является автор и которую он стремится донести до читателя.

Именно последний аспект имеет наиболее существенное значение для развития правовой культуры как отдельного читателя, так и общества в целом. Художественная литература при этом имеет бинарный характер. С одной стороны, она является результатом рефлексии правовой реальности. С другой стороны, использование художественных произведений в процессе правовой социализации предполагает восприятие ее в качестве одной из форм познания правовой реальности¹⁸.

По признаку профессиональной принадлежности ее носителей художественная литература как форма общественного и правового сознания не является ни научной, ни обыденной, ни профессиональной. Во-первых, она отражает правовую реальность не в рациональных, а в чувственно-эмоциональных формах. Во-вторых, она формируется не стихийно, а целенаправленно, являясь следствием целенаправленной творческой активности писателя. В-третьих, хотя в произведениях художественной литературы выражен личный и социальный правовой опыт писателя, который может носить профессиональный характер, конструируемый им образ ориентирован на восприятие читателем, имеющим принципиально иной правовой опыт. Следовательно, восприятие образа правовой реальности в качестве ценностного ориентира

¹⁶ Ronner A. D. Dostoevsky and the Law. Durham : Carolina Academic Press, 2015.

¹⁷ Ульмер (Байтеева) М. В. Глава 1. Онтология правового текста // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 26.

¹⁸ Тимофеева А. А. Русская художественная литература как компонент повышения профессиональной правовой культуры юристов // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 311–313.

правосознания при чтении художественной литературы будет детерминировано не столько авторской позицией и адекватностью его образа реальности, сколько особенностями деконструкции этого образа читателем. Последний, руководствуясь собственным правовым опытом, проводит феноменологическую редукцию образа права с целью выявления тех элементов, которые непротиворечиво коррелируют со сформированным в его сознании образом правовой реальности, в том числе существующей в ином пространственно-временном континууме. При этом необходимо учитывать, что данный образ, хотя и опосредован правовым опытом читателя, но детерминируется системой правовых ценностей, господствующей в социуме, с которым он себя идентифицирует.

Литературный нарратив как совокупность произведений художественной литературы, хотя и созданных в разное время, но имеющих бытование в определенном пространственно-временном континууме, является специфичной формой познания правовой реальности и одновременно средством воздействия на сознание и поведение человека в процессе правовой социализации, целью которого является конструирование правовой реальности. Из всех социокультурных парадигм, опосредующих восприятие человеком сущности права не только в юридическом, но и в социальном смысле, именно художественная литература занимает наиболее значительное место. Выступая формой коллективного сознания, литературное произведение в процессе правовой коммуникации транслирует информацию о ценностных установках, реализация которых позволит придать правовому поведению адресата целенаправленный характер и обеспечит его идентификацию с сообществом, членом которого он является, наряду с автором произведения. Сформированные в отечественных художественных произведениях образы права и правовой реальности являются экспликацией правовых архетипов и транслируют примат ценностного компонента правовой реальности над нормативным. Это обуславливает необходимость тщательного отбора художественных произведений, используемых в процессе социализации, с учетом не только культурного, но и правового воздействия литературы на сознание человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исаев И. А.* Мифологемы закона: право и литература. — М. : Проспект, 2021. — 304 с.
2. *Кодан С. В.* Художественная литература и история государства и права России: грани взаимодействия // Российский юридический журнал. — 2015. — № 6. — С. 34–42.
3. *Костин А. А.* А. Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе : сборник статей / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. — СПб., М. : Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. — С. 10–25.
4. *Лихтер П. Л.* Влияние художественной литературы на формирование конституционно-правовых институтов в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 3. — С. 60–68.
5. *Максимов С. И.* Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. — СПб. : Алетейя, 2016. — С. 49–50.
6. *Нейстат А. А.* Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917–1929 гг. Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. — М. : [б. и.], 2000. — 24 с.
7. *Пашенцев Д. А.* Правовые ценности в условиях цифровизации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сборник научных трудов. — М. : Инфра-М, 2020. — С. 177–182.
8. *Песоцкий В. А.* Содержание и сущность художественной литературы: опыт философского анализа // Вестник Московского государственного областного университета. — 2010. — Вып. 2. — С. 88–107.

9. Тимофеева А. А. Русская художественная литература как компонент повышения профессиональной правовой культуры юристов // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 3 (24). — С. 311–313.
10. Ульмер (Байтеева) М. В. Глава 1. Онтология правового текста // Парадигмы юридической герменевтики : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. — СПб. : Алетейя, 2017. — С. 13–26.
11. Харабет К. В. Девиантность и социально-правовая тематика в творчестве и жизни поэтов Серебряного века (М. Цветаева, С. Есенин, В. Маяковский) // Российская юстиция. — 2020. — № 1. — С. 40–44.
12. Anderson B. Imagined. Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — Rev. ed. — London, New York : Verso, 2006. — xvi, 240 p.
13. Bittar E. C. B. Semiotics, Law & Art. Between Theory of Justice and Theory of Law. — Cham : Springer, 2021. — xiv, 216 p.
14. Hutson L. (ed.) The Oxford Handbook of English Law and Literature, 1500–1700. — Oxford : Oxford University Press, 2017. — xxiii, 801 p.
15. Miller J. The Structures of Law and Literature: Duty, Justice, and Evil in the Cultural Imagination. — Montreal, Kingston : McGill-Queen's University Press, 2013. — xii, 242 p.
16. Posner R. A. Law and Literature. — 3rd ed. — Cambridge, London : Harvard University Press, 2009. — xviii, 570 p.
17. Ronner A. D. Dostoevsky and the Law. — Durham : Carolina Academic Press, 2015. — xiv, 308 p.
18. Smith C. Who Wouldn't Want to Be a Person? Histories of the Present in Law and Literature // Anker E. S., Meyler B. (eds.) New Directions in Law and Literature. — New York : Oxford University Press, 2017. — P. 46–58.

REFERENCES

1. Isaev IA. Mythologies of the law: Law and literature. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
2. Kodan SV. Fiction and History of Russian State and Law: The Touch Points. *Russian Juridical Journal*. 2015;6:34–42. (In Russ.).
3. Kostin AA. A. N. Radishchev in a Soviet school. In: Leontyev SG, Maslinskiy KA (eds.). Educational text in a Soviet school: Collection of articles. St. Petersburg, Moscow: Institute of Logic, Cognitive Science and Personality Development Publ.; 2008. (In Russ.).
4. Likhter PL. The influence of fiction on the formation of constitutional and legal institutions in the Russian Federation. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal [Leningrad Law Journal]*. 2016;3:60–68. (In Russ.).
5. Maximov SI. The concept of legal reality. In: Chestnov IL (ed.). Postclassic ontology of law: monograph. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2016. (In Russ.).
6. Neistat AA. Formation of legal consciousness and fiction in Soviet Russia in 1917–1929. Criminal law and criminal procedure aspect. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2000. (In Russ.).
7. Pashentsev DA. Legal Values in the Context of Digitalization. In: Legal Values in the Light of New Paradigms for the Development of Modern Civilization: A Collection of Scientific Works. Moscow: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
8. Pesotsky VA. The maintenance and essence of fiction: experience of the philosophical analysis. *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2010;2:88–107. (In Russ.).
9. Timofeeva AA. Russian fiction as a component of raising the professional legal culture of lawyers. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018;7:3(24):311–313. (In Russ.).
10. Ulmer (Bayteeva) MV. Chapter 1. Ontology of the legal text. In: Tonkov EN, Chestnov IL (eds.). Paradigms of legal hermeneutics. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2017. (In Russ.).
11. Kharabet KV. Deviance and social and legal topics in the work and life of poets of the Silver Age (M. Tsvetaeva, S. Yesenin, V. Mayakovsky). *Rossiyskaya Yustitsiya*. 2020;1:40–44. (In Russ.).

12. Anderson B. Imagined. Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed. London, New York: Verso; 2006.
13. Bittar ECB. Semiotics, Law & Art. Between Theory of Justice and Theory of Law. Cham: Springer; 2021.
14. Hutson L (ed.). The Oxford Handbook of English Law and Literature, 1500–1700. Oxford: Oxford University Press; 2017.
15. Miller J. The Structures of Law and Literature: Duty, Justice, and Evil in the Cultural Imagination. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press; 2013.
16. Posner RA. Law and Literature. 3rd ed. Cambridge, London: Harvard University Press; 2009.
17. Ronner AD. Dostoevsky and the Law. Durham: Carolina Academic Press; 2015.
18. Smith C. Who Wouldn't Want to Be a Person? Histories of the Present in Law and Literature. In: Anker ES, Meyler B. (eds.) New Directions in Law and Literature. New York: Oxford University Press; 2017.

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.31.3.014-019

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Гришина Татьяна Михайловна,
преподаватель кафедры истории государства и права Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
pravo_17@mail.ru

© Гришина Т. М., 2024

Аннотация. Внесение поправок в 2020 г. в Конституцию РФ 1993 г. стало решающим шагом на пути к укреплению суверенности на международной арене и рецепции в Российской Федерации исторических традиций и ценностных установок, характерных для России в любой исторической форме ее государственности. Единство государственной идеологии, находящейся под прямым запретом в главе «Основы конституционного строя» Основного закона России, стало предметом особого внимания разработчиков текста конституционных новелл ввиду невозможности внесения поправок в 1, 2 и 9 главы. Дополнения и изменения, внесенные в главы 3–8, позитивно повлияли и существенно смягчили ст. 13 (ч. 3), но не устранили полностью проблемы и противоречия между конституционными нормами и объективной необходимостью в восстановлении идеологической сферы в российском государстве, перед нарастающей агрессивной экспансией чужеродных ценностных установок, навязываемых рядом недружественных стран. Дискурс, проходящий в научном сообществе и на всех уровнях публичной власти в государстве по вопросу неизменности гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ, приводит к мысли о целесообразности пересмотра действующего конституционного акта в будущем. На современном же этапе отмечаются позитивные перспективы в решении идеологических, социально-экономических, геополитических и иных проблем, а также выработке эффективной стратегии в сфере национальной безопасности Российской Федерации, чему немало способствует обновленная и усовершенствованная в 2020 г. Конституция РФ.

Ключевые слова: эволюция; государство; народ; идеология; поправки; новеллы; исторические традиции; ценностные установки; экспансия.

HISTORICAL TRADITIONS AND VALUES AS FOUNDATION OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Tatyana M. Grishina,
Lecturer, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University
(MSAL), Moscow, Russian Federation
pravo_17@mail.ru

Abstract. The amendments in 2020 to the Constitution of the Russian Federation of 1993 were a decisive step towards strengthening sovereignty in the international arena and the reception in the Russian Federation of historical traditions and value

attitudes characteristic of Russia in any historical form of its statehood. The unity of state ideology, which is directly prohibited in the chapter «Fundamentals of the Constitutional System» of the Basic Law of Russia, has become the subject of special attention of the developers of the text of constitutional novels due to the impossibility of amending chapters 1, 2 and 9. Additions and changes made to chapters 3-8 positively influenced and significantly softened Art. 13 (part 3), but did not completely eliminate the problems and contradictions between constitutional norms and the objective need to restore the ideological sphere in the Russian state, before the growing aggressive expansion of alien values imposed by a number of unfriendly countries. The discourse taking place in the scientific community and at all levels of public power in the state on the issue of the invariability of chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation leads to the idea of the advisability of revising the current constitutional act in the future. At the present stage, positive prospects are noted in solving ideological, socio-economic, geopolitical and other problems, as well as developing an effective strategy in the field of national security of the Russian Federation, which is greatly facilitated by the updated and improved Constitution of the Russian Federation in 2020.

Keywords: evolution; the state; the people; ideology; amendments; short stories; historical traditions; values preferences; expansion.

Динамика эволюционных изменений, происходящих в настоящий момент в российском обществе, сущностно влияет на законодательную и в целом правовую основу Российской Федерации. Прежде всего это касается Основного Закона государства — действующей Конституции РФ 1993 г. Доказательством этому факту служат конституционные новеллы 2020 г., внесшие коррективы в существующие и дополнившие текст Основного закона новыми нормами глав 3–8. Главы 1, 2 и 9 Конституции РФ остались неизменными, что полностью соответствует особому конституционному порядку внесения изменений в ее текст. Однако качество поправок и существенное количество дополнений (всего 206) свидетельствует о том, что государство движется по эволюционному пути, свойственному России в любой из исторических форм ее государственности.

Примером исторической преемственности конституционалистских традиций могут послужить Основные законы Российской империи 1906 г.¹, подытожившие реформирование государственного строя самодержавной России и исключившие попытки Государственной думы разработать иной конституционный акт или иным способом расширить свои права², которые стали фундаментом права российского государства той эпохи. Заметим, что глава 8 разд. I указанных законов начинается с обязанностей подданных (защита престола и Отечества, уплата налогов и пошлин, отбывание повинностей и др.), что свидетельствует о приоритете обязанностей личности перед государством³, но права «подданного» также не обойдены вниманием (законность задержания и уголовного преследования, неприкосновенность жилища, свободный выбор места жительства, свобода веры и образования обществ и союзов...).

Каждый из конституционных актов советского периода также обладал своими характерными чертами:

1. Первая советская Конституция 1924 г. носила ярко выраженный классовый характер (диктатура пролетариата, лишение избирательного права ряда категорий

¹ Свод законов Российской империи. Том первый. Часть I. Свод основных государственных законов. С.-Петербург, 1906 // Продолжение Свода законов Российской империи. СПб., 1912. Ч. I.

² Слученкова Ю. С. Основные законы Российской империи от 23 апреля 1906 года как этап становления российского конституционализма // Государство и право в XXI веке. 2016. № 1. С. 22–26.

³ Шульженко Ю. Л. Основные государственные законы 1906 г. — начало реального практического конституционализма в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2019. № 3 (51). С. 24–36.

граждан...)⁴ и была наиболее идеологизирована, что было продиктовано «революционным правосознанием» того времени как источником советского права и законодательства⁵.

2. В советской Конституции 1936 г., называемой в научном сообществе «сталинской» или «Конституцией победившего социализма»⁶, по сравнению с предыдущей были существенно сглажены резкие классовые нормы и сделан серьезный шаг к демократическим принципам (всеобщее равное и прямое избирательное право при тайном голосовании и др.).

3. Советская Конституция 1977 г. (заключительная в СССР) закрепила в своих нормах рождение новой исторической общности в бесклассовом обществе — советского народа. Однако с середины 1980-х гг. она подверглась глобальным изменениям, включающим отмену руководящей роли КПСС (ст. 6), что являлось фундаментальной скрепой для единства СССР. Программа коммунистической партии (построение коммунистического общества) была упразднена, как впоследствии и сама держава.

Россия пришла к необходимости принятия нового Основного закона, поскольку произошла смена общественно-экономической формации — первое в мире социалистическое государство преобразовалось в капиталистическое.

Советские конституции развивались, сменяя друг друга и совершенствуясь, но у всех была одна непреодолимая проблема — они не содержали специальные правовые институты, регламентирующие правовой статус человека и гражданина, а их нормы были недостаточно реализуемы в сфере защиты прав личности (упрощенный порядок судопроизводства⁷, навязывание атеистического правосознания, гонения на служителей церкви и др.). В отличие от современной Конституции РФ, реально исполняемой и ставящей на первое место права и свободы личности (гражданина и человека), что свидетельствует о длительном эволюционном пути к признанию их первичности.

Значение первой главы Конституции РФ «Основы конституционного строя», нормы которой являются фактическим содержанием Основного Закона государства. На них строится весь фундамент как последующих глав (в том числе прав и свобод человека и гражданина), так и всей законодательной базы Российской Федерации.

Конституционные (общие) права и свободы, установленные в действующей Конституции РФ 1993 г., имеют огромное значение и составляют большую часть второй главы. Что свидетельствует о важности этих элементов правового статуса личности в России сегодня и подчеркивается невозможностью внесения изменений в гл. 2. По вопросу неизменности норм глав 1 и 2 ведется активный научный и общественный дискурс. Среди наиболее обсуждаемых конституционных норм можно назвать ст. 13. Она принадлежит главе 1, но во многом служит правовой основой для прав и свобод личности, закрепленных в главе 2 и в целом российском законодательстве. Статья 13 ч. 3 практически напрямую запрещает общую государственную идеологию как обязательную. Отметим, что указанная норма уникальна и не встречается ни в одном конституционном акте мира в столь жесткой и непримиримой форме. В данном контексте можно провести сравнение со ст. 4 в Конституции Республики Беларусь как члена Союзного государства, которая гласит: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а

⁴ Шульженко Ю. Л. Конституция — основа советского конституционализма периода государства диктатуры пролетариата // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 152–158.

⁵ Максимова О. Д. Революционное правосознание как источник советского права и законотворчества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (47) : в 2 ч. Ч. II. С. 88–94.

⁶ Бредихин А. Л., Гончар А. А. «Конституция победившего социализма» 1936 года в политической системе Советского государства // Закон и право. 2022. № 6. С. 17–20.

⁷ Анохин Ю. В. О роли советских конституций в становлении конституционализма в России // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 132–138.

также многообразия политических институтов и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан»⁸. Такие формулировки представляются логичными, каждое слово объективно и имеет глубокий смысл. В ней присутствует идеологическая основа белорусского государства, защищающего интересы своего народа и реализующего на международной арене полномочия от его лица. Однако под запретом находятся множественные, зачастую противоречащие друг другу, целям и задачам государства, взгляды, идеи и принципы многочисленных общественных объединений, в том числе политических партий, каждая из которых строит свою деятельность, привлекает электорат и находит сторонников на собственной идеологической программе. Как и многочисленные социальные группы, для которых в приоритете стоят личные (групповые), а не общенародные интересы. Ведь только государство имеет в своем арсенале легальные полномочия на представление интересов всего народа, а также обладает инструментами для эффективной реализации задач, стоящих перед страной и обществом. При этом граждане Республики обладают свободой выбора идеологической основы, не запрещенной законодательством. В контексте происходящей идеологической экспансии чужеродных ценностных установок на государства постсоветского пространства недружественными странами формулировка указанной конституционной нормы союзного государства представляется сбалансированной, гармоничной и актуальной.

Можно утверждать, что жесткий запрет на возможность придерживаться единых ценностных установок, возникших и эволюционировавших в историческом процессе, российскому государству и обществу сам по себе является определенной идеологией либерального толка, мешающей становлению принципов истинной демократии в государстве. Ведь именно таким образом можно стереть историческую память, культуру и самоидентификацию народа России — «бесконечный генетический код, основанный на межнациональном и межконфессиональном единстве, с уважением к каждому человеку», — по словам действующего Президента РФ В. В. Путина.

Терминологически «идеология» понимается как совокупность фундаментальных представлений, основополагающих идей, взглядов и мировоззренческих идеалов. Идеология в правовом государстве выступает ориентиром, формирующим правосознание общества, способствующим глубокому пониманию общенародных интересов, интегрирующей основой для народного единения, базой для разработки эффективных институтов управления публичной властью⁹. То есть выработка эффективной политики в этой сфере является не дополнительным, а основным фактором государственного развития.

С одной стороны, отметим, что ст. 2 Конституции РФ утверждает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», в то же время возлагая на государство обязанности признания, соблюдения и защиты его права. Можно утверждать, что это и есть высшая идея, положенная в фундамент современного государства? С другой стороны, выводя права человека на высший уровень реализации, данная либеральная норма автономизирует его, противореча исторической традиционной ценности России — соборности как константе русского национального самосознания¹⁰. Однако конституционные новеллы 2020 г. восполняют правовой пробел в идеологической сфере, а именно:

1. Статья 68 дополнена следующими положениями: русский язык признан языком государствообразующего народа (русского), что выразило признак титульной

⁸ Конституция Республики Беларусь // Оф. сайт Президента РБ. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Шуайпова П. Г., Мищенко М. С. К вопросу о конституционном запрете на государственную идеологию // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2–4. С. 113–115.

¹⁰ Пестрецов А. Ф. Соборность — константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2008. № 1 (9). С. 176–182.

нации¹¹; культура в Российской Федерации провозглашена уникальным наследием ее многонационального народа.

2. Новые пункты, дополнившие ст. 69, устанавливают: государственную защиту культурной самобытности народов и этнических общностей Российской Федерации; гарантии сохранения этнокультурного и языкового многообразия; оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

3. Новая статья 72 п. ж1 содержит нормы, являющиеся идеологической основой для нашего государства и общества. Она включает: защиту семьи, материнства, отцовства и детства; защиту института брака как союза мужчины и женщины; обязанность заботы о родителях.

Такие поправки представляются чрезвычайно важными сегодня, поскольку они препятствуют экспансии агрессивно навязываемых российскому обществу чуждых ценностей и неприемлемых идеалов, но возвращают российское общество и государство на собственный, самобытный исторический путь. Позитивным примером реализации новых конституционных норм может послужить следующее сопоставление: представление брака в Конституции РФ как союза мужчины и женщины привело к признанию ЛГБТ-сообщества экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации, что было установлено в постановлении Верховного Суда России (удовлетворение иска Министерства юстиции России). Нарушившим данный запрет грозят суровые наказания, регламентированные в Уголовном кодексе РФ, вплоть до 10 лет лишения свободы. Такая мера представляется обоснованной и логичной перед лицом современных угроз и вызовов, стоящих сегодня перед российским обществом и государством.

Конституционные новеллы, коснувшиеся в том числе и идеологических основ российского общества, своевременны и необходимы в сложный период не только для России, но и для мира, вошедшего в период глубокого кризиса системы международных отношений, спровоцированного странами НАТО¹² под эгидой США, а также растущей турбулентности во многих сферах (финансово-экономической, социальной, геополитической, идеологической...). Однако по законам юридической техники предшествующие главы (особенно гл. 1) обладают более высокой юридической силой, следовательно, поправки смягчают и, бесспорно, позитивно влияют на характер Конституции РФ 1993 г., но не устраняют существующие проблемы и противоречия, заложенные в ней. Очевидно, что за три десятилетия, разделяющие нас с началом действия конституционного акта, государство прошло огромный путь динамичного развития. Основной же закон государства всегда должен отвечать объективным реалиям в жизни государства и общества. В будущем представляется целесообразным пересмотр действующей Конституции РФ, и прежде всего регламентации идеологических основ, на которых держится суверенное стабильное государство. Ведь стабильная Конституция РФ не означает полную неизменность ее норм, но предполагает ее эволюцию в интересах народа России. Однако сегодня, с введением конституционных новелл, мы уже можем констатировать факт укрепления суверенитета России на международной арене и во внутривнутриполитической жизни государства. И несмотря на сложный исторический период в жизнедеятельности государства, мы видим позитивные перспективы в решении идеологических, социально-экономических, геополитических проблем и в выработке стратегии национальной безопасности, чему немало способствует обновленная и усовершенствованная в 2020 г. Конституция РФ.

¹¹ Зиньков Е. Н., Тулиев И. И. Эволюция порядка пересмотра Конституции РФ и внесения в нее поправок: значение и актуальные проблемы // Вестник СЮИ. 2021. № 3 (44). С. 134–138.

¹² Багдасарян С. Д., Гришина Т. М. Стратегия национальной безопасности РФ в условиях евразийской интеграции и кризиса международных отношений // Власть. 2024. Т. 32. № 3. С. 40–46.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анохин Ю. В. О роли советских конституций в становлении конституционализма в России // *Философия права*. — 2021. — № 3 (98). — С. 132–138.
2. Багдасарян С. Д., Гришина Т. М. Стратегия национальной безопасности РФ в условиях евразийской интеграции и кризиса международных отношений // *Власть*. — 2024. — Т. 32. — № 3. — С. 40–46.
3. Бредихин А. Л., Гончар А. А. «Конституция победившего социализма» 1936 года в политической системе Советского государства // *Закон и право*. — 2022. — № 6. — С. 17–20.
4. Зиньков Е. Н., Тулиев И. И. Эволюция порядка пересмотра Конституции РФ и внесения в нее поправок: значение и актуальные проблемы // *Вестник СЮИ*. — 2021. — № 3 (44). — С. 134–138.
5. Максимова О. Д. Революционное правосознание как источник советского права и законотворчества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2014. — № 9 (47) : в 2 ч. Ч. II. — С. 88–94.
6. Пестрецов А. Ф. Соборность — константа русского национального самосознания // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*. — 2008. — № 1 (9). — С. 176–182.
7. Слученкова Ю. С. Основные законы Российской империи от 23 апреля 1906 года как этап становления российского конституционализма // *Государство и право в XXI веке*. — 2016. — № 1. — С. 22–26.
8. Шуайпова П. Г., Мищенко М. С. К вопросу о конституционном запрете на государственную идеологию // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. — 2017. — № 2–4. — С. 113–115.
9. Шульженко Ю. Л. Конституция — основа советского конституционализма периода государства диктатуры пролетариата // *Социально-политические науки*. — 2018. — № 5. — С. 152–158.
10. Шульженко Ю. Л. Основные государственные законы 1906 г. — начало реального практического конституционализма в России // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. — 2019. — № 3 (51). — С. 24–36.

REFERENCES

1. Anokhin YuV. On the role of Soviet constitutions in the formation of constitutionalism in Russia. *Philosophy of Law*. 2021;3(98):132-138. (In Russ.).
2. Baghdasaryan SD, Grishina TM. National security strategy of the Russian Federation in the context of Eurasian integration and the crisis of international relations. *Vlast*. 2024;32(3):40-46. (In Russ.).
3. Bredikhin AL, Gonchar AA. «Constitution of victorious socialism» of 1936 in the political system of the Soviet state. *Zakon i pravo*. 2022;6:17-20. (In Russ.).
4. Zinkov EN, Tuliev II. Evolution of the procedure for revising the Constitution of the Russian Federation and amending it: significance and current problems. *Bulletin of Samara Law Institute*. 2021;3(44):134-138. (In Russ.).
5. Maksimova OD. Revolutionary legal consciousness as a source of Soviet law and lawmaking. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*. 2014;9(47):88-94.6. (In Russ.).
6. Pestretsov AF. Sobornost is a constant of Russian national identity. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2008;1(9):176-182. (In Russ.).
7. Sluchenkova YuS. The basic laws of the Russian Empire of April 23, 1906 as a stage in the formation of Russian constitutionalism. *State and Law in the 21st Century*. 2016;1:22-26. (In Russ.).
8. Shuaypova PG, Mishchenko MS. On the issue of a constitutional ban on state ideology. *Topical Issues of Humanities, Technical and Natural Sciences*. 2017;2-4:113-115. (In Russ.).
9. Shulzhenko YuL. The Constitution is the basis of the Soviet constitutionalism of the period of the state of the dictatorship of the proletariat. *Sociopolitical sciences*. 2018;5:152-158. (In Russ.).
10. Shulzhenko YuL. The main state laws of 1906 are the beginning of real practical constitutionalism in Russia. *University proceedings. Volga region*. 2019;3(51):24-36. (In Russ.).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ М. М. СПЕРАНСКОГО

Ахмятжанова Диляра Ринатовна,

студент международно-правового института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

dilyara.akhmyatzhanova@gmail.com

© Ахмятжанова Д. Р., 2024

Аннотация. М. М. Сперанский был разносторонне образованным человеком, обладал знаниями в областях права, политики, философии, математики, физики, красноречия, даже Наполеон был под впечатлением от остроты ума российского деятеля. Чиновник ясно понимал потребности общества XIX в., осознавал, что и каким образом необходимо привести в государственную систему Российской империи для ее совершенствования. Разумеется, детальный анализ конституционного проекта великого реформатора имеет огромное значение для истории нашей страны, поэтому исследование на данную тему остается актуальным и сейчас. М. М. Сперанский — ключевая фигура, оказавшаяся на стыке двух вечно противоборствующих движений социально-политической мысли — консерватизма и либерализма. Реформатор был приверженцем либеральных преобразований, однако для их успешной реализации нужно было иметь пусть и консервативное, но внутренне готовое к новым веяниям политики, государства и права общество. Почему же чиновнику с радикальными взглядами так и не удалось в полной мере осуществить свои амбициозные планы? Неужели его масштабные замыслы остались лишь призрачной иллюзией? В данной статье рассматриваются основные направления либеральной политики М. М. Сперанского в процессе создания и попыток воплощения конституционного проекта, анализируются объективные и субъективные социально-исторические факторы, оказавшие влияние на возможность фактического осуществления идей пронзительного и мудрого государственно-правового деятеля. Также уделяется особое внимание значимости личности Михаила Михайловича — реформатора с радикальными взглядами — в истории нашей страны. Несомненно, М. М. Сперанский сформулировал большое количество либеральных постулатов, регламентирующих создание правового государства. Отголоски некоторых его идей находят отражение в современных концепциях и принципах, которые реализованы в действительности России.

Ключевые слова: государство; либерализм; Введение к уложению государственных законов; принцип разделения властей; Государственная дума; Государственный совет; деление граждан на слои; степень государственного обладания; самодержавный император; правовое государство.

MIKHAIL M. SPERANSKY AND HIS CONSTITUTIONAL PROJECT

Dilyara R. Akhmyatzhanova,

Undergraduate Student, International Law Institute, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

dilyara.akhmyatzhanova@gmail.com

Abstract. Mikhail M. Speransky was a versatile person, who knew law, politics, philosophy, mathematics, physics, eloquence. Even Napoleon was impressed by the sharpness of the mind of the Russian political figure. The statesman clearly understood the needs of the society of the 19th century, realized what and how it was necessary to bring the Russian Empire into the state system in order to improve it. Indeed, a detailed analysis of the constitutional project of the great reformer is of great importance for the history of Russia. Thus, research on this topic remains relevant now. Mikhail M. Speransky is a key figure who found himself at the junction of two eternally opposing movements of socio-political thought, namely: conservatism and liberalism. The reformer was a supporter of liberal transformations, but for their successful implementation it was necessary to have a society, albeit conservative, but internally ready for new trends in politics, state and law. Why did a statesman with radical views fail to fully implement his ambitious plans? Is his large-scale plan only a ghostly illusion? The paper examines the main directions of the liberal policy of Mikhail M. Speransky in the process of creating and trying to implement a constitutional project, analyzes objective and subjective socio-historical factors that influenced the possibility of the actual implementation of the ideas of an astute and wise state and legal figure. Special attention is also paid to the significance of the personality of Mikhail Mikhailovich — a reformer with radical views — in the history of our country. Undoubtedly, Mikhail M. Speransky formulated a large number of liberal postulates governing the creation of a rule of law. Echoes of some of his ideas can be seen in modern concepts and principles implemented in Russia.

Keywords: the state; liberalism; Introduction to the organization of state laws; the principle of separation of powers; State Duma; Council of State; division of citizens into layers; degree of state possession; an autocratic emperor; the rule of law.

Александр I вступил на престол 12 марта 1801 г., стремясь укрепить благо России на общепризнанных и основополагающих принципах. Император вполне обоснованно полагал, что такими принципами должны стать в первую очередь конституционный порядок и сила закона. Безусловно, для реализации своих идей Александру I нужны были ярые сподвижники, готовые прогрессивно мыслить, а главное, активно действовать. Взор монарха пал на М. М. Сперанского — одного из самых талантливых помощников Александра I, потому что взгляды самодержавного императора во многом совпадали с либеральными идеями М. М. Сперанского. Чтобы осуществить величайшие планы по кардинальной трансформации страны, Александр I поручил М. М. Сперанскому разработать план государственно-правового преобразования России. Верно указывает В. Г. Румянцев: «Государство обладает абсолютной монополией принуждения. Между тем такая монополия ограничивается правом. Ведь государство должно быть правовым, потому что оно должно быть справедливым»¹. Со стороны М. М. Сперанского предлагалось превратить Российскую империю в правовое государство, где главенствует не произвол власти и начальства, а закон, действующий в качестве основы гражданской жизни. Так, в 1809 г. на свет появился конституционный проект М. М. Сперанского под названием «Введение к уложению государственных законов».

¹ Румянцева В. Г. Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6 (82). С. 209.

«Введение к уложению государственных законов» представляло собой кодекс законов общественного и государственного устройства, имевший высшую юридическую силу². Император признал данный проект «удовлетворительным и полезным». Сборник правовых норм был основан на либеральной политике М. М. Сперанского. Можно выделить три основные направленности реформаторских идей Михаила Михайловича: принцип разделения властей, деление граждан на слои населения, введение института думы.

Реформатор решил взять в основу первой радикальной мысли концепцию системы сдержек и противовесов, разработанную Дж. Локком и Ш. Л. Монтескье. Данная система по разделению властей заключалась в следующем: одни пишут законы (законодательная ветвь власти), вторые их исполняют (исполнительная ветвь власти), третьи тщательно контролируют их исполнение (судебная ветвь власти)³. Однако при этом значительная сила продолжала сохраняться в руках самодержавного императора. Предполагалось, что законодательная власть должна осуществляться Государственной думой, власть управления будет поручена правительству, а судебная возлагается на Сенат и судебную систему.

Россия XIX в. — государство с вертикальным правлением, четкой иерархией, в какой-то степени деспотией. В то время население совершенно не участвовало в управлении страной, никаким образом не учитывались интересы граждан. Смелая мысль Сперанского — создание системы местного самоуправления дум. Планировалось начать поэтапный процесс внедрения выборных органов власти в Российской империи. Первой ступенью в институте дум были волостные думы, избиравшиеся населением. Они сосредотачивались на рассмотрении и обсуждении вопросов в основном сельскохозяйственной и продовольственной тематики. Члены волостных дум осуществляли выборы депутатов окружной думы, окружная дума определяла состав губернской думы путем голосования, а она — депутатов Государственной думы. Получается, возникла система выборных органов власти. Кроме того, значительно расширилось электоральное право, то есть к голосованию допускался более широкий круг населения. Теперь в избирательный процесс были вовлечены все собственники земли, включая владельцев земли и среди государственных крестьян, а не только дворяне, представлявшие собой довольно узкое сословие. Вся система законодательной власти строилась на началах местного самоуправления, а Государственная дума — это выборный народный представительный орган управления. Разумеется, нельзя утверждать, что парламент был независим от императора, ведь он не мог самостоятельно рассматривать некоторые вопросы и принимать серьезные решения. Тем не менее это был грандиозный шаг на пути грамотного взаимодействия населения и правителя.

1 января 1810 г. был основан Государственный совет — совещательный орган, созданный для координации высших звеньев органов государственной власти⁴. В состав Государственного совета входили чиновники, определяемые монархом. Главой совета был назначен М. М. Сперанский. Предполагалось, что совет и дума будут работать сообща, принимать наиболее важные государственные решения, губернаторы должны были обсуждать с правителем законы. Часть проекта о Государственном совете М. М. Сперанского успешно осуществилась.

Реформа М. М. Сперанского стремилась затронуть и вопрос о правах и свободах граждан. Михаил Михайлович считал, что государство в разной степени имеет обладание над классами людей. «Высшая степень обладания падает на ту часть народа, которая не имеет ни политической, ни гражданской свободы»⁵, сюда были отнесены

² Иванов В. С. Проект конституционного преобразования М. М. Сперанского // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. № 3. С. 288.

³ Фатхутдинов Р. Р. Конституционный проект М. М. Сперанского // Академическая публикастика. 2017. № 3. С. 63.

⁴ Сперанский М. М. Проекты и записки. М. : Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 216.

⁵ Сперанский М. М. План государственного преобразования (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М. : Русская мысль, 1905. С. 51.

крепостные люди. М. М. Сперанский отмечал в своих размышлениях, что когда-то у этого социального класса всё же были некоторые свободы: у них была возможность иметь собственность, а также право перехода с одних земель на другие, но впоследствии крепостные люди и вовсе потеряли как личную, так и вещественную свободу. Вторая категория государственного обладания затрагивала купцов, мещан и государственных крестьян. Они имели гражданские права, но спектр политических прав оставался для них недостижимым. Наиболее низкая степень обладания относилась к дворянам, потому что они наделялись гражданскими правами, а также могли разделять с державной властью право обладания над крепостными и управления ими. По критерию государственного обладания реформатор предлагал разделить общество на три класса: первый — дворянство, второй — средний (купечество, мещанство), третий — крепостные люди.

М. М. Сперанский понимал, что общество нужно делать более демократическим и либеральным, а для этого было необходимо увеличить объем имеющихся гражданских и политических прав и свобод населения. В будущем даже планировалось взять курс на отмену крепостного права в России. Консервативно настроенные дворяне оказались не готовы к такому повороту событий, они полагали, что проект М. М. Сперанского представляет для них серьезную угрозу. В связи с этим дворяне и помещики всячески старались снизить авторитет Михаила Михайловича в глазах Александра I, в итоге им удалось оговорить блестящего чиновника перед монархом. Кроме того, у реформатора появился оппонент Н. М. Карамзин, чьи идеи лучше воспринимались обществом. Он считал, что в государстве с политической точки зрения ничего менять нельзя и не нужно, ведь у Российской империи свой уникальный путь становления великой державы. У Европы на вооружение можно было взять только мысли о просвещении. Н. Тургенев выразился о реформах М. М. Сперанского: «Он предписывал формы деловых бумаг, словом, он, по-видимому, верил во всемогущество приказов, бумажных циркуляров и во всякие формы»⁶. Несмотря на то что у Александра I и М. М. Сперанского взгляды на государство и право во многом были сходны, император не мог проигнорировать мнение большинства, в результате Михаил Михайлович был убран со всех высоких государственных должностей в 1812 г. В следующие 9 лет чиновник успел побыть Пензенским и Сибирским губернатором и только в 1821 г. вернулся в столицу, где вновь заслужил доверие Александра I, а затем и Николая I.

Конституционный проект М. М. Сперанского во многих аспектах остался нереализованным. Лишь идея о Государственном совете была претворена в жизнь. Однако Михаил Михайлович в наших глазах остается величайшим русским реформатором и основоположником теоретической юриспруденции, которому удалось провести кодификацию российского законодательства⁷, за что он был удостоен ордена Святого Андрея Первозванного.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Иванов В. С.* Проект конституционного преобразования М. М. Сперанского // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. — 2010. — № 3. — С. 288–291.
2. *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения. Т. 1 : Письма русского путешественника. Повести. — М. : Художественная литература, 1964. — 1484 с.
3. *Карамзин Н. М.* Избранные статьи и письма. — М. : Современник, 1982. — 351 с.
4. *Карева А. В.* Принцип разделения властей и права человека в концепции М. М. Сперанского // Человеческий капитал. — 2016. — № 6 (90). — С. 33–36.
5. *Карева А. В.* Традиции и новации в истории отечественной государственности: план государственных преобразований М. М. Сперанского // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. — 2013. — № 1 (38). — С. 29–38.

⁶ *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения. Т. 1 : Письма русского путешественника. Повести. М. : Художественная литература, 1964. С. 97.

⁷ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. М. : Статут, 2014. С. 440–441.

6. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. — М. : Статут, 2014. — 487 с.
7. Новаковский В. И. Биографические очерки. IV. Михаил Михайлович Сперанский. — СПб. : Общественная польза, 1868. — 106 с.
8. Румянцева В. Г. Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6 (82). — С. 207-209.
9. Сперанский М. М. План государственного преобразования (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). — М. : Русская мысль, 1905. — 359 с.
10. Сперанский М. М. Проекты и записки. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1961. — 244 с.
11. Фатхутдинов Р. Р. Конституционный проект М. М. Сперанского // Академическая публицистика. — 2017. — № 3. — С. 61-67.
12. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. — М. : Наука, 1989. — 213 с.

REFERENCES

1. Ivanov VS. Draft constitutional transformation of M. M. Speransky. *Intellectual Potential of the 21st Century: Stages of Cognition*. 2010;3:288-291. (In Russ.).
2. Karamzin NM. Selected Works. Vol. 1. Letters from a Russian traveler. Stories. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.; 1964. (In Russ.).
3. Karamzin NM. Selected Articles and Papers. Moscow: Sovremennik Publ.; 1982. (In Russ.).
4. Kareva AV. The principle of separation of powers and human rights in the concept of M. M. Speransky. *Human Capital*. 2016;6(90):33-36. (In Russ.).
5. Kareva AV. Traditions and innovations in the history of domestic statehood: the plan of state transformations of M. M. Speransky. *The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*. 2013;1(38):29-38. (In Russ.).
6. Korf MA. Count Speransky's Life. Moscow: Statut Publ.; 2014. (In Russ.).
7. Novakovsky VI. Biographical essays. IV. Mikhail Mikhailovich Speransky. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ.; 1868. (In Russ.).
8. Rumyantseva VG. Power must be limited to law in the name of justice. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(6):207-209. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.82.6.207-209>.
9. Speransky MM. State Transformation Plan (Introduction to the 1809 Code of State Laws). Moscow: Russkaya mysl Publ.; 1905. (In Russ.).
10. Speransky MM. Projects and Notes. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961. (In Russ.).
11. Fatkhutdinov RR. Constitutional project of M. M. Speransky. *Akademicheskaya publitsistika*. 2017;3:61-67. (In Russ.).
12. Chibiryayev SA. The Great Russian Reformer. Moscow: Nauka Publ.; 1989. (In Russ.).

ЭВОЛЮЦИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Кащенко Андрей Сергеевич,

магистрант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4-й уч. корп.

andreykaschenkohistorian@gmail.com

© Кащенко А. С., 2024

Аннотация. В статье рассматриваются генезис и эволюция дореволюционного отечественного конституционализма. Предметом исследования являются истоки и теория конституционализма и политико-правовое воплощение практик русского конституционного движения периода XIX — начала XX в. Дореволюционный конституционализм возник в период правления Александра I, теоретически развивался весь XIX в. и достиг цели в начале XX в. Политико-правовым итогом развития отечественного конституционализма станет принятие в 1906 г. Основных государственных законов Российской империи. В результате принятия Основных государственных законов Российской империи произойдет правовое ограничение абсолютизма законодательными Государственной думой и Государственным советом. Для проведения историко-правового анализа теории и практик отечественного конституционализма в ходе исследования были использованы дореволюционные источники и нормативные правовые акты. Анализируемые исторические документы стали выражением конституционных идей XIX — начала XX в. В статье делается вывод о влиянии исторического процесса и особенностей российской государственности на формирование и развитие конституционализма. Основными причинами, которые вызвали ограничение абсолютной монархии в России, стали поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., эпоха «великих реформ» Александра II, народническое движение 1870-х — начала 1880-х гг. и первая русская революция 1905–1907 гг. Наибольшим проявлением конституционализма в Российской империи станет работа I и II созывов Государственной думы. Однако в результате «третьеиюньского переворота» 1907 г. был утрачен импульс поступательного движения в сторону правового государства, что станет одной из причин буржуазно-демократической Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: конституционализм; ограничение монархии; либерализм; консерватизм; история государства и права; Основные государственные законы Российской империи; дореволюционный парламентаризм; Государственная дума; Государственный совет.

THE EVOLUTION OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Andrey S. Kashchenko,

Master's Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

andreykaschenkohistorian@gmail.com

Abstract. The paper examines genesis and evolution of pre-revolutionary constitutionalism in Russia. The subject of research is the origins and theory of constitutionalism and the political and legal embodiment of the practices of the Russian constitutional movement of the period of 19th — early 20th centuries. Pre-revolutionary constitutionalism arose during the reign of Alexander I and theoretically developed throughout the 19th century and achieved its goal at the beginning of the 20th century. The adoption in 1906 of the Basic State Laws of the Russian Empire became the political and legal result of the development of Russian constitutionalism. As a result of the adoption of the Basic State Laws of the Russian Empire, the legal restriction of absolutism by the legislative State Duma and the State Council would occur. To conduct a historical and legal analysis of the theory and practices of domestic constitutionalism, pre-revolutionary sources and regulatory legal acts were used during the study. The analyzed historical documents became an expression of the constitutional ideas of the 19th — early 20th centuries. The paper concludes about the influence of the historical process and the features of Russian statehood on the formation and development of constitutionalism. The main reasons that caused the limitation of absolute monarchy in Russia were the defeat in the Crimean War of 1853–1856, the era of the «great reforms» of Alexander II, the populist movement of the 1870s — early 1880s, and the first Russian revolution of 1905–1907. The 1st and 2nd Convocations of the State Duma were the greatest manifestation of constitutionalism in the Russian Empire. However, as a result of the «Third June Coup» of 1907, the momentum of the progressive movement towards the rule of law was lost, which became one of the reasons for the bourgeois-democratic February Revolution of 1917.

Keywords: constitutionalism; limiting the monarchy; liberalism; conservatism; history of state and law; Basic state laws of the Russian Empire; pre-revolutionary parliamentarism; State Duma; Council of State.

Отечественный конституционализм имеет богатую политико-правовую традицию. Конституционное строительство имело место задолго до начала советской эпохи. Отсутствие конституционализма как системы формальных договорных отношений между государством и гражданским обществом является немыслимым в современности. Однако в дореволюционной России конституционализм имел, скорее, статус политико-правового направления в философской мысли.

Фактически идеи конституционализма были закреплены в нормативных правовых актах начала XX в. Конституционное законодательство в виде Манифеста об усовершенствовании государственного порядка 1905 г. и Основных государственных законов Российской империи 1906 г. было вызвано необходимостью государственной власти идти на уступки общественному мнению в ходе первой русской революции 1905–1907 гг.

Изначально конституционализм возник в России в первой четверти XIX в. Заимствование русской философией идей конституционализма было вызвано влиянием деятелей эпохи Просвещения, говоривших о необходимости разделения властей. Просвещение, которое пришло в Россию еще при Екатерине II, изменило представления элиты о природе государственной власти. Однако первый опыт конституционного строительства возник в России только при правлении Александра I.

Работа М. М. Сперанского «Введение к уложению государственных законов»¹ была первой в рамках данного направления и оказала существенное влияние на

¹ План государственных преобразований М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов). М.: Издание «Русской мысли», 1905.

последующие конституционные проекты XIX в. М. М. Сперанский сформулировал основы теории разделения властей с учетом российской специфики.

Основатель консервативного направления в отечественной философии Н. М. Карамзин в работе «Записка об истории России в ее политическом и гражданском отношениях»² стремился подвергнуть сомнению реформаторские идеи М. М. Сперанского. Н. М. Карамзин оказал существенное влияние на русский консерватизм, который вплоть до 1905 г. будет отстаивать идеалы неограниченной самодержавной монархии.

Во второй половине правления Александра I Н. Н. Новосильцевым будет принята новая попытка создания конституции в виде Государственной уставной грамоты³. Данный документ должен был продолжить либеральную политику правительства, которая выразилась в даровании конституции Царству Польскому и автономии Великому княжеству Финляндскому.

Однако распространение конституционализма на всю территорию Российской империи не произошло из-за революционных потрясений в Европе, которые выпали на конец правления Александра I. Можно сделать вывод, что идеи конституционализма возникли еще в первых двух десятилетиях XIX в. Это согласуется с утверждением о более протяженной эволюции отечественного конституционализма.

В период правления Николая I внимание к теме конституционного строительства существенно ослабло. Отказ от разработки конституционных проектов был вызван консервативным поворотом во внутренней политике, который стал следствием подавления восстания декабристов 1825 г. Конституционные идеи стали преимущественно разрабатываться оппозиционными западниками. Представители данного либерального движения стремились перенести западноевропейские конституционные практики на российскую почву с целью ограничения монархии. «Весна народов» 1848 г. породила в России реакцию, что приостановило разработку конституционных проектов оппозиционными кругами. Оспаривание и пересмотр ценностей неограниченной монархии в 1848–1855 гг. влекли за собой политическое преследование со стороны самодержавного государства.

Правление Александра II будет более способствовать внесению существенных изменений в государственное управление. Были отменены многовековое крепостное право, введены университетская автономия, гражданские суды и земское управление, проведена военная реформа. Однако «великие реформы» Александра II лишь заложили основы первой российской конституции.

Приближенный к императору М. Т. Лорис-Меликов разработал конституционный проект, предусматривавший продолжение процессов либерализации. Документ, который должен был расширить гражданские и политические права, вошел в историю права как «Конституция Лорис-Меликова»⁴, предполагавшая программу административных и экономических реформ. Убийство императора в ходе покушения стало причиной свертывания конституционного строительства, что было вызвано сменой умеренно-либерального состава правительства на консервативный.

При Александре III, который проводил консервативный курс, были пересмотрены «великие реформы». Контрреформы 1880–1890-х гг. не позволили реализовать на практике конституционные проекты, созданные в период правления Александра II. Противодействие Александра III ограничению монархии замедлило процесс создания российской Конституции. Нежелание правительства продолжать реформистский курс спровоцировало оппозиционные круги перейти от легальных форм борьбы к подпольной работе и привело к сотням террористических актов.

Николай II изначально стремился сохранить консервативный политический курс Александра III, направленный на обеспечение незыблемости абсолютизма в России.

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991.

³ Государственная уставная грамота Российской империи. Берлин : Publ. d'après l'original des archives de St. Petersburg, 1903.

⁴ Дореволюционная история российского конституционализма // Центр прикладных исследований и программ, 18.05.2020. URL: <http://www.prisp.ru/analitics/5098-shapovalov-razvitie-konstitucionnoj-mysli-v-Rossii-1805> (дата обращения: 10.09.2024).

Однако революционные потрясения 1905–1907 гг. заставили императора пойти на уступки общественному мнению. Рычаги управления Российской империей были переданы либеральной бюрократии, которая инициировала ограничение монархии.

Председатель комитета министров С. Ю. Витте разработает Манифест об усовершенствовании государственного порядка⁵ (также известен как Манифест 17 октября). Данный манифест, ограничивший власть монарха законодательными Государственной думой и Государственным советом, будет способствовать началу отечественного конституционализма и парламентаризма.

Курс на продолжение конституционного строительства, вызванный первой русской революцией, приведет к созданию первой русской Конституции — Основных государственных законов Российской империи⁶, которые будут приняты весной 1906 г. незадолго до начала работы Государственной думы I созыва. Основные государственные законы Российской империи подтвердили положения Манифеста об усовершенствовании государственного порядка и способствовали складыванию конституционной монархии с сильной исполнительной властью наследственного монарха.

«Третьеиюньский переворот» 1907 г. изменил направление эволюционного развития в области конституционного строительства, чем вызвал общественное недовольство. Итогом изменения сущности Основных государственных законов Российской империи станет ослабление институтов парламентаризма. Пересмотр конституционного законодательства усилит радикализм оппозиционных политиков Государственной думы. Впоследствии поправки в Основные государственные законы Российской империи сделают Государственную думу политическим институтом, который де-юре и де-факто перестанет быть представительным органом для большинства населения империи. Диспропорция в народном представительстве, вызванная социальными и национальными ограничениями в ходе избирательного процесса, станет одной из причин Февральской революции, которая низвергнет российское самодержавие.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дореволюционная история российского конституционализма // Центр прикладных исследований и программ. — URL: <http://www.prisp.ru/analitics/5098-shapovalov-razvitiye-konstitucionnoj-mysli-v-Rossii-1805> (дата обращения: 10.09.2024).
2. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991. — 127 с.
3. План государственных преобразований М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов). — М.: Издание «Русской мысли», 1905. — 359 с.

REFERENCES

1. Pre-revolutionary history of Russian constitutionalism. Center for Applied Research and Programs. Available at: <http://www.prisp.ru/analitics/5098-shapovalov-razvitiye-konstitucionnoj-mysli-v-Rossii-1805> (Accessed 10.09.2024).
2. Karamzin NM. Note on ancient and new Russia in its political and civil relations. Moscow: Nauka Publ.; 1991. (In Russ.).
3. Plan of state transformations of M. M. Speransky (Introduction to the establishment of state laws). Moscow: Russksya Mysl Publ.; 1905. (In Russ.).

⁵ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сентября 1908 г. / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 150–151.

⁶ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С. 44–52.

СОБЛЮДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Рачков Валентин Ростиславович,
студент Санкт-Петербургского юридического института (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191104, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., д. 44
laevv@mail.ru

© Рачков В. Р., 2024

Аннотация. В статье рассматривается вопрос соблюдения закрепленных Конституцией Российской Федерации трудовых и социальных прав граждан в отраслях экономики, частично или полностью переходящих на осуществление деятельности в рамках экономической модели, основанной на использовании цифровых платформ (платформенной экономики). Выявляются сильные и слабые стороны данного способа организации деятельности для занятых в рассматриваемых отраслях работников в рамках как трудовых, так и гражданско-правовых отношений, в том числе в статусе самозанятых. Основные возможные причины перехода экономических субъектов на деятельность в рамках платформенной экономики, в том числе со сменой характера правоотношений, обосновываются через совокупность объективных (экономических и социальных) и субъективных (связанных с образованием, способностями и мотивацией потенциального работника) причин. Производится мониторинг интернет-платформы Avito.ru в части поиска вакансий по специальностям, в рамках которых обеспечение надлежащего исполнения конституционных прав граждан оказывается возможным исключительно в рамках трудовых правоотношений. В ходе анализа предлагаемых фактическими работодателями условий занятости выявляются типичные потенциальные и фактические нарушения прав человека в отношении как непосредственно фактического работника, так и третьих лиц. По результатам анализа практики предлагается ряд мер, направленных на устранение выявленных предпосылок для нарушения конституционных прав граждан. В частности, обосновывается запрет на привлечение лиц в качестве самозанятых для выполнения работ либо оказания услуг, создающих угрозу нарушения их прав либо прав третьих лиц в случае осуществления данной деятельности вне рамок трудовых правоотношений, а также возможность признания гражданско-правовых отношений между фактическим работодателем и физическим лицом в статусе самозанятого фактическими трудовыми правоотношениями, при наличии признаков таковых.

Ключевые слова: конституция; конституционные права; трудовые права; охрана здоровья; самозанятость; гражданско-правовой договор; платформенная экономика; безработица; трудовые споры; фактические трудовые правоотношения.

RESPECT FOR CONSTITUTIONAL RIGHTS OF INDIVIDUALS IN PLATFORM ECONOMY

Valentin R. Rachkov,

Undergraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch), University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation

laevv@mail.ru

Abstract. The paper dwells on the issue of respect for labor and social rights of individuals enshrined in the Constitution of the Russian Federation in sectors of the economy that are partially or completely switching to activities in an economic model based on the use of digital platforms (platform economy). The strengths and weaknesses of this method of organizing activities for workers employed in the industries under consideration are elucidated in the context of both labor and civil law relations, including workers having the status of self-employed workers. The main possible reasons for the transition of economic entities to activities within the framework of the platform economy, including with a change in the nature of legal relations, are justified through a set of objective (economic and social) and subjective (related to the education, abilities and motivation of a potential employee) reasons. Avito.ru Internet platform is monitored to find job vacancies, within which ensuring the proper implementation of constitutional rights of citizens is possible exclusively within the framework of labor legal relations. The analysis of the conditions of employment offered by actual employers reveals typical potential and actual violations of human rights in relation to both an employee and third parties. Based on the results of the analysis of practice, the author offers a number of measures aimed at eliminating the identified prerequisites for violating the constitutional rights of citizens. In particular, the ban on attracting persons as self-employed to perform work or provide services that pose a threat of violation of their rights or the rights of third parties in the event of this activity outside the framework of labor legal relations, as well as the possibility of recognizing civil law relations between the actual employer and an individual in the status of self-employed actual labor relations.

Keywords: constitution; constitutional rights; labor rights; health protection; self-employment; civil contract; platform economy; unemployment; labor disputes; actual labor relations.

Одной из характерных особенностей современной экономики является тенденция к ее глобальной реструктуризации, в результате которой самые различные ее сферы претерпевают значительные изменения, при этом всё более существенную роль в ней начинают приобретать отрасли, связанные со сферой услуг. Такая тенденция, именуемая постиндустриализацией¹, содержит в себе ряд характерных признаков, одним из которых является переход целого ряда отраслей рынка услуг на деятельность по модели платформенной экономики, которая подразумевает под собой «использование компаниями платформ и связанных с ними экосистем, не находящихся в пользовании компаний и не контролируемых ими, для осуществления взаимосвязи и коммерческих операций между их пользователями»². Такая модель за счет сетевой структуры и широкого использования интернет-коммуникации обеспечивает максимально удобное взаимодействие между контрагентами, сотрудниками и прочими экономическими субъектами как при

¹ Постиндустриализация // Словари и энциклопедии на «Академике»: сайт. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/27438 (дата обращения: 10.09.2024).

² Репьева С. С., Минасян А. А., Бокова А. А. и соавт. Платформенная экономика: состояние, проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 8-1. С. 64.

осуществлении своей деятельности в целом, так и с целью реализации отдельных ее аспектов (например, в рамках поиска кадров через размещение вакансий на открытых интернет-платформах), благодаря чему в настоящее время платформенная экономика проходит стадию стремительного роста и развития. Кроме того, такая структура взаимодействия экономических субъектов вкупе с высокими объемами капитализации крупнейших интернет-платформ и значительной долей обеспечиваемой ими занятости в рамках современной экономики оказывает значительное влияние не только на экономический, но и на другие аспекты общественной жизни, в том числе на вопросы соблюдения конституционных прав граждан.

Одной из основных проблем в вышеуказанной сфере является неопределенный правовой статус занятых в рамках платформенной экономики лиц. Так, в указанной сфере широко распространена занятость работников по гражданско-правовым договорам подряда или возмездного оказания услуг вместо «классического» трудового договора. С одной стороны, такой подход может обеспечивать большую «гибкость» для лица, собирающегося выполнять те или иные работы или оказывать те или иные услуги, связанную с возможностью установления свободного графика осуществления данной деятельности, что позволяет использовать последнюю в качестве «подработки» или дополнительного источника заработка для некоторых социальных групп (например, студентов или лиц, трудоустроенных на неполный рабочий день).

Вместе с тем указанный подход затрагивает ряд важнейших прав граждан, как непосредственно занятых указанной деятельностью, так и пользующихся ее результатами. Как известно, одной из основных проблем (и одновременно неотъемлемых внутренних свойств) современной рыночной экономики является наличие, в частности, структурной (то есть порождаемой несоответствием предлагаемых работниками способностей и обусловленных текущей экономической структурой потребностей работодателей) и циклической (порождаемой кризисными явлениями в экономике) безработицы³. Кроме того, в периоды экономических кризисов ввиду низкой загруженности производств возможен перевод части работников на неполную рабочую смену, что также будет фактором, негативно воздействующим на экономическое благосостояние граждан. На часть экономически активного населения страны в той или иной степени будет постоянно оказываться неперсонифицированное экономическое давление, связанное с невозможностью полного удовлетворения собственных потребностей ввиду отсутствия достаточного заработка, что неизбежно будет заставлять людей принимать меры по поиску новых основных или дополнительных источников дохода, в том числе не связанных с работой по трудовому договору.

В силу недостаточной юридической грамотности основной части населения потенциальными «работниками», стремящимися получить занятость через интернет-платформы, зачастую упускается из виду факт заключения гражданско-правового договора вместо трудового — не в последнюю очередь, это связано с тем, что представители фирм, работающих в рамках платформенной экономики, указывают в объявлениях с предложением заключить гражданско-правовой договор, что данная деятельность является работой⁴, что может быть ошибочно воспринято потенциальными контрагентами как предложение заключить именно трудовой, а не гражданско-правовой договор, ввиду смешения в сознании понятий «работа» и «труд», которые, в отличие от отрасли гражданского права, в рамках трудового законодательства всегда используются как равноценные. Кроме того, в некоторых случаях физических лиц, заключивших такие гражданско-правовые договоры, могут различными способами (например, через обещание большего количества заказов, более удобной политики выплат и пр.) побуждать к оформлению статуса самозанятых, окончательно переводя их в разряд самостоятельных экономических субъектов, чья деятельность, оцениваемая самими такими лицами как трудовая, на самом деле будет одной из

³ Филиппова В. П., Горбачева И. О., Бочкова Т. А. Безработица: виды, формы и причины // Colloquium-Journal. 2020. № 12-7 (64). С. 44.

⁴ Работа курьером в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Курьерская служба Dostavista : сайт. URL: <https://dostavista.ru/spb/courier> (дата обращения: 10.09.2024).

разновидностей не относящегося к предпринимательской деятельности бизнеса, что является выгодным также и для самого фактического работодателя, так как в этом случае, помимо всего прочего, обязанность по уплате налога на профессиональный доход также ляжет непосредственно на самозанятого⁵. Вместе с тем такой правовой режим выполнения своих фактических трудовых функций с юридической точки зрения в большинстве случаев является для работников менее приемлемым, однако в ряде ситуаций фактические работники оказываются вынуждены согласиться на реализацию своих трудовых функций именно в рамках такового.

К основным причинам, мотивирующим на принятие рассмотренного выше выбора, можно отнести экономическое давление на субъектов занятости, а также диалектически связанные с ним причины социального характера (являющиеся следствием стремления занять наилучшее возможное положение в системе социальной стратификации или желания поддерживать ранее достигнутый социальный статус на протяжении как можно более длительного времени). Кроме того, несмотря на то что во многих отраслях платформенной экономики основу производственных отношений могут составлять работники, выполняющие низкоквалифицированную работу, на выбор экономического субъекта могут оказать влияние и такие субъективные факторы, как фактические способности (предрасположенность к тому или иному виду деятельности), уровень образования и компетентности работника в различных сферах, а также его личные предпочтения, связанные с желанием работать в какой-либо конкретной области или компании. При этом данные тенденции могут быть характерны не только для представителей высококвалифицированного труда, но и для всех занятых в рамках платформенной экономики.

Вместе с тем ввиду вышеописанных причин существует ряд предпосылок для нарушения конституционных прав граждан в связи с деятельностью структур платформенной экономики. Так, в ходе мониторинга интернет-платформы Avito.ru в части поиска вакансий для устройства на работу⁶, связанную с осуществлением контакта с пищевыми продуктами, выявлен ряд потенциальных, а также фактических нарушений конституционных прав граждан⁷. В результате исследования, в частности, установлено, что в ряде компаний условия заключения гражданско-правового договора предполагают фиксированный рабочий график, определенную трудовую функцию, а также иные признаки, свидетельствующие о наличии фактических трудовых отношений⁸. Вместе с тем осуществление указанной деятельности в рамках гражданско-правовых отношений лишает человека, занимающегося фактической трудовой деятельностью, установленных Конституцией Российской Федерации трудовых прав, в том числе права на коллективные трудовые споры и права на забастовку⁹, с одной стороны, а с другой — позволяет фактическому работодателю применять в отношении фактического работника меры взыскания, выходящие за рамки трудового законодательства, например, денежные штрафы, использование которых в качестве меры дисциплинарной ответственности в рамках трудовых правоотношений является невозможным, так как не предусматривается федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине¹⁰, однако может

⁵ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (ред. от 28.12.2022). Ст. 4, ч. 1 // Российская газета. 2018. № 270. 3 декабря.

⁶ Работа в Санкт-Петербурге // Avito.ru : сайт. URL: <https://www.avito.ru/sankt-peterburg/rabota?cd=1> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ URL: <https://prilozheniya-keytering.bitrix24site.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2023) // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.

⁹ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных 30 декабря 2008 г., 5 февраля 2014 г., 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 2020 г.).

¹⁰ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2023) // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.

иметь место в гражданско-правовой сфере¹¹. Особенно остро данная проблема встает при оформлении фактическим работником статуса самозанятого — осуществляя фактическую трудовую деятельность и будучи подверженным влиянию обещания получения большего дохода со стороны фактического работодателя, такое лицо добровольно лишается всякой возможности не только для реализации своих трудовых прав, но и для признания отношений между ним и его контрагентом по договору фактическими трудовыми. Связано это с тем, что осуществление деятельности в статусе самозанятого предполагает получение дохода как без привлечения наемных работников по трудовым договорам, так и без какого бы то ни было работодателя¹². Фактический работник, переходя в статус самозанятого, признает собственную юридическую самостоятельность и независимость в рамках получения профессионального дохода — при этом мотивы, связанные с обусловленной экономическими причинами крайней необходимостью, а следовательно, предполагающие определенный элемент кабальности¹³, на практике не учитываются. Как следствие, такая смена правового статуса лишает граждан не только своих трудовых прав, но и самой возможности их защиты. Кроме того, использование фактическими работодателями самозанятых вместо наемных работников порождает также и коллизию юридикто-доктринального характера: так, учеными отмечается, что появление института самозанятых связывается, не в последнюю очередь, «с необходимостью преодоления негативных последствий циклических экономических колебаний», а также «как один из способов сокращения безработицы»¹⁴ — при этом в настоящее время экономическая политика, стихийно проводимая в рамках рыночных отношений нанимателями, свидетельствует во многом о стремлении использовать данный институт не как замену трудовым правоотношениям в условиях, когда их, в силу действия экономических механизмов, оказывается невозможно заключить, а как их полноценную альтернативу — более гибкую и выгодную для работодателя, однако существенно ограничивающую фактических работников в части защиты своих конституционных прав.

Помимо возможных трудностей при реализации трудовых прав граждан, особенности правоотношений в рамках платформенной экономики также могут создавать почву и для возможных нарушений конституционных прав граждан на охрану здоровья¹⁵, причем в юридическом отношении корень данной проблемы снова будет находиться в специфике правового статуса граждан, осуществляющих фактическую трудовую деятельность в рамках гражданско-правовых отношений. Так, согласно установленным Минздравом Российской Федерации правилам личная медицинская книжка формируется работодателями в отношении работников отдельных категорий (включая те, которые выступили предметом мониторинга интернет-платформы Avito.ru¹⁶), в рамках деятельности исключительно на основании трудового договора. Аналогичная регламентация установлена и в рамках порядка проведения

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Российская газета. 1994. № 238–239. 8 декабря.

¹² Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (ред. от 28.12.2022). Ст. 2, ч. 7.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 179, ч. 3.

¹⁴ Терехова С. В., Устинова К. А., Крюков И. А. Формирование сектора самозанятых в регионах: условия и перспективы // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2022. Т. 17. № 4. С. 432.

¹⁵ Конституция РФ. Ст. 41.

¹⁶ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 18.02.2022 № 90н «Об утверждении формы, порядка ведения отчетности, учета и выдачи работникам личных медицинских книжек, в том числе в форме электронного документа» (зарегистрировано в Минюсте России 22 февраля 2022 г. № 67428) (ред. от 15.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 24 февраля 2022 г. № 0001202202240002 ; 18 августа 2023 г. № 0001202308180032. Приложение 2.

обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров¹⁷, при этом сферу гражданско-правовых отношений указанные нормы не охватывают, что вкупе с возможностью нанимать в рамках данных правоотношений лиц для выполнения работ, связанных в том числе с осуществлением контакта с пищевыми продуктами, не позволяет обеспечить надлежащее соблюдение санитарно-эпидемиологических норм на данных производствах. Связано это в первую очередь с тем, что требование к наличию у потенциального «работника» медицинской книжки не будет обязательным для его контрагентов в рамках гражданско-правового договора. Кроме того, особенности рассматриваемых правоотношений оказывают негативное воздействие также и на деятельность органов, уполномоченных осуществлять надзор за соблюдением указанной группы конституционных прав, ввиду отсутствия юридической трудовой подчиненности таких лиц фактическому работодателю, который в рамках гражданско-правовых отношений за указанные аспекты отвечать не обязан. Самостоятельное же исполнение указанных правил силами фактических работников при этом также не представляется в полной мере осуществимым ввиду большого количества требующих централизованной организации необходимых мероприятий, а также рассмотренного выше аспекта, связанного с возможной неосведомленностью фактических работников о гражданско-правовом характере правоотношений, в которых они состоят.

На самозанятых, а также лиц, получающих выплаты за деятельность по гражданско-правовым договорам и не работающих по трудовому договору, независимо от сферы, в которой они осуществляют свою деятельность, не распространяются положения законодательства об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности¹⁸. Указанный фактор, в зависимости от ситуации, может порождать фактическую либо экономически обусловленную невозможность вылечиться от травмы или заболевания, вызвавшего временную нетрудоспособность, с прекращением фактической трудовой деятельности на период лечения, что, в свою очередь, может приводить к ситуациям, когда временно нетрудоспособный работник оказывается вынужден продолжать выполнение своих обязанностей, несмотря на факт собственной нетрудоспособности. Более того, в случае, если фактический работник оказался временно нетрудоспособен в связи с инфекционным заболеванием, дальнейшее осуществление его деятельности может представлять опасность не только для него самого, но и для окружающих, что также будет нарушением установленных статьями 37 и 41 Конституции Российской Федерации прав человека и гражданина. Особенно остро данная ситуация будет проявляться в тех случаях, когда такой фактический работник оказывается задействован в рамках сразу нескольких платформ одновременно, безотносительно к тому, организована ли их работа в рамках единой базы (как в случае с совмещенным пунктом выдачи двух и более служб доставки) или независимо друг от друга (например, при работе одновременно в нескольких курьерских службах).

На сегодняшний день фактический характер отношений в сфере платформенной экономики способен порождать множество нарушений прав граждан, связанных с

¹⁷ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 28.01.2021 № 29н «Об утверждении Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников, предусмотренных частью четвертой статьи 213 Трудового кодекса Российской Федерации, перечня медицинских противопоказаний к осуществлению работ с вредными и (или) опасными производственными факторами, а также работам, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры» (зарегистрировано в Минюсте России 29 января 2021. № 62277) (ред. от 01.02.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 29 января 2021 г. № 0001202101290043 ; 9 февраля 2022 г. № 0001202202090011. Приложение № 1. Приложение. Раздел VI.

¹⁸ Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (ред. от 25.12.2023). Ст. 2 // Российская газета. 2006. № 297. 31 декабря.

охраной здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия населения и правом на труд, что обусловлено в том числе несовершенством законодательного регулирования в указанной области. Проведенный выше анализ указывает на то, что правовые конструкции, введенные в действие с целью регламентации правового статуса лиц, осуществляющих свою деятельность самостоятельно и не подчиняющихся работодателю, зачастую могут применяться для маскировки работодателями фактических трудовых отношений со своими работниками. Вместе с тем интернет-платформы, способствующие осуществлению данной деятельности, никаких ограничений в части возможного правового статуса осуществляющих ее работников не устанавливают, что в рамках деятельности частных компаний означало бы самопроизвольное нарушение свободы экономической деятельности граждан, выражающееся в ограничении свободного правомерного экономического поведения субъектов хозяйствования¹⁹. При этом фактические работодатели, пользующиеся интернет-платформой как «промежуточным звеном» в отношениях со своими потенциальными или непосредственными работниками, не ограниченные действием законодательства, во многих случаях также могут принимать наиболее выгодную для себя стратегию и нанимать фактических работников по гражданско-правовым договорам, включая лиц в статусе самозанятых. В связи с этим в правоприменительной практике складывается ситуация, когда вся ответственность за результаты деятельности таких работников (в том числе в части нарушения конституционных прав других лиц) ложится на них самих, при этом ввиду описанной выше специфики данных правоотношений сами такие работники зачастую оказываются не способны защитить должным образом как свои права, так и права окружающих. Вместе с тем такой ситуации во многом можно было бы избежать, если бы рассматриваемые правоотношения имели бы не только фактический, но и юридический статус трудовых.

С целью устранения выявленных выше предпосылок для нарушения конституционных прав граждан предлагается, в частности, определить в рамках трудового законодательства, что отношения между исполняющим фактическую трудовую функцию самозанятым и его фактическим работодателем являются фактическими трудовыми, наряду с признанием таковыми «отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора»²⁰, в том числе в рамках гибкого рабочего графика. Указанное изменение должно распространяться также и на те случаи, когда инициатива в вопросе о начале, окончании и общей продолжительности рабочего дня отдается самому фактическому работнику путем предоставления ему возможности соответствующего взаимодействия с интернет-платформой, обеспечивающей его занятость, так как в рамках выбранных им смен правоотношения между ним и фактическим работодателем будут принимать характер трудовых.

Кроме того, с целью решения рассматриваемой проблемы предлагается запретить привлечение третьими лицами самозанятых, а также физических лиц в рамках гражданско-правовых отношений для выполнения работ или оказания услуг, которые в рамках трудовых отношений требовали бы наличия личных медицинских книжек, проведения регулярных медицинских осмотров, а также принятия иных мер по обеспечению безопасности работников и лиц, пользующихся результатами их труда. Вместе с тем, если уже действующие в указанных рамках правоотношения не обладают признаками фактических трудовых, ввиду чего их признание таковыми окажется невозможным, нанявшему данных работников лицу следует предложить перейти последним в рамки трудовых правоотношений, при которых фактическое положение указанных лиц не будет ухудшаться после расторжения ранее действовавших в отношении них соответствующих гражданско-правовых договоров.

¹⁹ Лобанова Я. В. Конституция Российской Федерации о свободе экономической деятельности: конституционный смысл и конституционная практика // Международный журнал конституционного и государственного права. М., 2018. № 4. С. 136.

²⁰ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2023). Ст. 16 // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.

Современная платформенная экономика, в том числе в связи с рассмотренными выше несовершенствами правового регулирования, несмотря на свою общую прогрессивность по сравнению с прежними формами осуществления экономической деятельности, создает почву для нарушения целого ряда конституционных прав граждан, в том числе лиц, не задействованных в данной сфере. Рассмотренный в статье комплекс мер по предотвращению возможности появления таких нарушений призван оперативно ответить на протекающие в наши дни процессы, связанные с реструктуризацией экономики, и за счет расширения объема и глубины правового регулирования в рассмотренных выше сферах хозяйственной деятельности обеспечить своевременную корректировку правового регулирования экономических процессов (а равно и процессов, вытекающих из особенностей экономических отношений), создавая тем самым условия для свободного развития всей экономической системы в целом²¹ и обеспечивая в Российской Федерации надлежащее соблюдение в том числе и неэкономических прав и свобод человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бондарева Е. А. Реализация принципа свободы экономической деятельности в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Правовая наука и реформа юридического образования. — 2013. — № 3 (26). — С. 10–18.
2. Лобанова Я. В. Конституция Российской Федерации о свободе экономической деятельности: конституционный смысл и конституционная практика // Международный журнал конституционного и государственного права. — 2018. — № 4. — С. 135–138.
3. Репьева С. С., Минасян А. А., Бокова А. А. и соавт. Платформенная экономика: состояние, проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2021. — № 8-1. — С. 63–67.
4. Теребова С. В., Устинова К. А., Крюков И. А. Формирование сектора самозанятых в регионах: условия и перспективы // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». — 2022. — Т. 17. — № 4. — С. 429–452.
5. Филиппова В. П., Горбачева И. О., Бочкова Т. А. Безработица: виды, формы и причины // Colloquium-Journal. — 2020. — № 12-7 (64). — С. 43–44.

REFERENCES

1. Bondareva EA. Implementation of the principle of freedom of economic activity in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Legal Science and Reform of Legal Education*. 2013;3(26):10-18. (In Russ.).
2. Lobanova YV. Constitution of the Russian Federation on freedom of economic activity: constitutional meaning and constitutional practice. *International Journal of Constitutional and State Law*. 2018;4:135-138. (In Russ.).
3. Repieva SS, Minasyan AA, Bokova AA [et al.]. Platform economy: State, Problems and Development Prospects. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;8-1:63-67. (In Russ.).
4. Terebova SV, Ustinova KA, Kryukov IA. Formation of the self-employed sector in the regions: conditions and prospects. *Perm University Herald. Economy*. 2022;17(4):429-452. (In Russ.).
5. Filippova VP, Gorbacheva IO, Bochkova TA. Unemployment: types, forms and causes. *Colloquium-Journal*. 2020;12-7(64):43-44. (In Russ.).

²¹ Бондарева Е. А. Реализация принципа свободы экономической деятельности в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Правовая наука и реформа юридического образования. Воронежский государственный университет, 2013. № 3 (26). С. 11.

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.31.3.037-041

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИКАЗНОЙ СИСТЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (КОНЕЦ XV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

Шауро Ирина Геннадьевна,

доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат юридических наук
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
igshauro@msal.ru

Плеханова Марина Александровна,

студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
plekhanova_0505@mail.ru

© Шауро И. Г., Плеханова М. А., 2024

Аннотация. В статье представлен авторский анализ организационно-правовой основы приказной системы, которая оформилась в Русском государстве в конце XV — первой половине XVI в. В рассматриваемый период ранее существовавшая дворцово-вотчинная система органов, нацеленная на решение прикладных задач обеспечения управления княжеским двором, но предполагавшая наличие боярских вотчин, уже не могла эффективно отвечать вызовам, стоящим перед государством. Возникла необходимость в органах централизованного государственного контроля и управления. Такими органами стали приказы. Одновременно уровень развития права позволил придать как самой приказной системе, так и ее функционированию нормативные черты. В источниках того времени не просто упоминаются те или иные органы и должности, но и устанавливаются основы их правового статуса: место в системе органов власти и управления, права, обязанности, ответственность. Безусловно, такое закрепление, принципиально отличавшееся от прежнего подхода к данному вопросу, в конце XV — первой половине XVI в. не носило системный и всеобъемлющий характер. Но в то же время очевидно, что оно уже оформилось. Авторами рассмотрены признаки зарождения правового регулирования как организационной структуры приказов, так и порядка их функционирования. По результатам исследования делается вывод о том, что в конце XV — первой половине XVI в. организационно-правовая основа приказной системы Русского государства уже начала формироваться на базе ключевых нормативных актов того времени — Судебника 1497 г. и Судебника 1550 г. Действуя под контролем государя, приказная система выступала стержнем в управлении объединенным государством. Заложенные законодателем основы функционирования приказов обеспечили эффективное руководство и системный подход к решению внутригосударственных проблем.

Ключевые слова: боярин; дьяк; окольничий; организационно-правовые основы; подьячий; приказ; приказная система; Русское государство; Судебник 1497 г.; Судебник 1550 г.; судья; центральное управление.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL GROUNDS FOR THE ACTIVITIES OF THE PRIKAZ SYSTEM OF CENTRAL GOVERNMENT IN RUSSIA (LATE 15TH — FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY)

Irina G. Shauro,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

igshauro@msal.ru

Marina A. Plekhanova,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

plekhanova_0505@mail.ru

Abstract. The paper presents an author's analysis of the organizational and legal basis of the prikaz system that was formed in the Russian state at the end of the 15th — first half of the 16th centuries. In the period under review, the previously existing palace and patrimonial system of organs, aimed at solving the applied tasks of ensuring the management of the princely court, but assuming the presence of boyar estates, could no longer effectively respond to the challenges the state faced. There was a need for centralized state control and management bodies. Prikazes were such bodies. At the same time, the level of development of law made it possible to give both the prikaz system itself and its functioning normative features. The sources of that time not only mention certain bodies and positions, but also establish the foundations of their legal status: a place in the system of government and administration, rights, obligations, responsibility. Of course, such a consolidation, that was fundamentally different from the previous approach to this issue, at the end of the 15th — the first half of the 16th century was not systemic and comprehensive. At the same time, it is obvious that it had already taken shape. The authors considered the signs of the origin of legal regulation of both the organizational structure of prikazes and the procedure for their functioning. According to the results of the study, it is concluded that at the end of the 15th — the first half of the 16th century organizational and legal foundations of the prikaz system of the Russian state had already begun to form on the basis of key regulations of that time — the Judicial Code of 1497 and the Judicial Code of 1550. Acting under the control of the sovereign, the prikaz system acted as the core in the management of the united state. The fundamentals of the functioning of orders laid down by the legislator provided effective leadership and a systematic approach to solving domestic problems.

Keywords: boyar; scribe; okolnichiy; organizational and legal basis; chicaner; prikaz; prikaz system; Russian state; Sudebnik 1497; Sudebnik 1550; judge; central management.

К концу XV в. Великое княжество Московское значительно расширило свои владения, в связи с чем увеличилась сложность управления столь обширной территорией, а также появилась необходимость в укреплении власти монарха крупного централизованного государства. Прежние формы регулирования общественной жизни стали менее эффективными и не были способны системно и всеобъемлюще координировать управление государством, поскольку они, как правило, способствовали решению конкретных проблем и вопросов, а не всестороннему контролю общественного пространства. В результате в России начала оформляться совершенно новая система центрального управления — приказная. В Судебниках 1497 г. и 1550 г. были отражены ее ведущие организационно-правовые основы. Их анализ является целью данной статьи.

В исторической науке зарождение приказов как органов управления принято связывать с именем великого князя Московского Ивана III, в чьи годы появились учреждения, действовавшие в тесной взаимосвязи с верховной властью. Так, по мнению К. А. Неволлина, Иван III учредил Разрядный приказ, задачами деятельности которого были организация вооруженных сил и управление служилыми людьми; Житный приказ, базирующийся на сборе и распределении хлебных запасов среди населения в тяжелые годы; Холопий приказ, в ведомость которого входило рассмотрение дел, связанных с регламентацией жизни зависимой части населения, и др.¹ Несмотря на то что само слово «приказ» в законодательных памятниках того времени не встречается, им уже тогда выражалась «подведомственность людей различного рода особенным великокняжеским чиновникам»². В годы правления Ивана III приказы не только появлялись и активно распространялись по всей территории государства, но и стали обретать собственную структуру. Становление организационно-правовых основ их деятельности достаточно четко прослеживается в Судебнике 1497 г. Например, в ст. 1–14 Судебника обозначен круг великокняжеских чиновников, которые занимались отправлением дел в приказах. Важно иметь в виду, что на тот момент слово «судить» носило более обширный характер, нежели в привычном понимании этого слова в современном обществе, ведь под ним понималось не только рассмотрение конкретного дела, но и весь порядок судопроизводства, включая административное производство. Об особо высоком статусе лиц, осуществляющих указанные полномочия, говорит и тот факт, что вплоть до упразднения приказной системы, начальников приказов в Московском государстве называли именно «судьями». Таким образом, можно сделать вывод о том, что лица, отправляющие дела в приказах, занимали в них главенствующие позиции, сосредотачивая в своих руках довольно широкий спектр полномочий, в том числе судебных. В соответствии с вышеназванными статьями (ст. 1–14), «окольный», «дьяк», «подьячий» и «боярин» являлись необходимыми участниками процесса, непосредственно осуществляли судебную власть и являлись высшими должностными лицами в приказной системе. Статья 1 Судебника 1497 г. позволяет определить некую иерархию внутри приказов, обозначив из вышеназванных должностей бесспорных лидеров — бояр. На ранней стадии развития приказной системы члены Боярской думы в качестве судов первой инстанции разрешали споры между собственными членами, должностными лицами приказов и местными судьями. Более того, анализ законодательного памятника показывает, что Боярская дума практически на постоянной основе выступала в качестве суда апелляционной инстанции наряду с великокняжеским судом, что вновь подчеркивает особый статус боярского сословия среди всех должностных лиц в приказах. Статья 2 данного акта свидетельствует о том, что на момент составления Судебника среди приказов уже существовало разграничение полномочий, хотя и довольно размытое. В статье реализуется институт подсудности, который заключается в запрете рассмотрения судом дела, подведомственного по своему содержанию другому суду. Статья 3 указанного Судебника описывает порядок взимания пошлин должностными лицами приказов за рассмотрение дел в судах. В данном положении можно проследить разницу в размере судебной пошлины, выплачиваемой боярину («два алтына») и дьяку («осмь денег»). Стоит отметить, что законодатель признает обязанность в выплате судебной пошлины за стороной, проигравшей дело. В этих же статьях можно проследить и наличие правовых основ работы приказов: требование «судом не мстити, ни дружити никому» (ст. 1), всех «управить, кого пригоже» (ст. 2), «посулов не брать от суда и от печалованья»

¹ Неволлин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. СПб., 1859. Т. 6. С. 38.

² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1898. Т. 25. С. 187.

(ст. 3)³. Отдельные положения Судебника 1497 г. представляют собой регламентацию деятельности приказной системы и содержат основы, определяющие ее организационно-правовую структуру.

Со временем приказы начали играть определяющую роль в центральном управлении. Они, будучи под пристальным вниманием монарха, выполняли функции государственного управления, решали хозяйственные и судебные вопросы, «руководствуясь принципом прецедента»⁴. Данный процесс на законодательном уровне был закреплен в Судебнике Ивана Грозного 1550 г. В частности, в ст. 7 данного Судебника говорится: «А кто к которому боярину, или дворецкому, или казначею, или к дьяку придет жалобник его приказу, и ему жалобников своего приказу от себя не отсылати, а давати ему жалобником своего приказу всем управа, которой будет жалобник бьет челом по делу»⁵. Анализ данной статьи позволяет сделать вывод о том, что, помимо официального закрепления в законодательном акте понятия «приказ», к моменту принятия Судебника приказная система в полной мере состоялась как система органов центрального управления и имела свою собственную компетенцию, за помощью к которой могли обращаться «жалобники» — жители Московского государства. Вполне очевидно, что приказы должны были соответствовать действующему на тот момент законодательству и не могли противоречить правовым нормам, поэтому законодателю необходимо было всесторонне описать их функционирование, включая контроль за их деятельностью и порядок рассмотрения жалоб от населения. Статья 7 Судебника 1550 г. предусматривала, что должностные лица не могли отсылать дела из своих приказов в другие, если «жалобник» обратился с делом, которое по своему содержанию должно было рассматриваться именно в этом приказе. Данная статья дает довольно детальное описание порядка рассмотрения органами власти жалоб от населения и в том числе ответственность как «судей» за нарушение данной нормы, так и самих «жалобников» за несогласие со справедливым отказом бояр в рассмотрении того или иного дела и обращение в вышестоящую инстанцию (к государю): «А которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати государю, и того жалобника вкинути в тюрьму»⁶. Помимо всего прочего, законодатель уделил внимание рассмотрению жалоб в высших инстанциях, тем самым более детально закрепив приказную систему с правовой точки зрения. Статья 28 Судебника Ивана IV регламентировала не только порядок производства, но и подчеркивала важность протоколирования рассматриваемых дел, устанавливая ответственность подьячих за его нарушение⁷, в связи с чем штат приказов формировался из судей, которые рассматривали жалобы и непосредственно их решали, и делопроизводителей — дьяков и подьячих.

Организационно-правовые основы приказной системы России, оформившейся в конце XV — первой половине XVI в., были определены законодательством того времени — Судебниками 1497 г. и 1550 г. Специфические властные органы действовали в тесной взаимосвязи с верховной властью, выполняли широкий спектр функций — от хозяйственных до судебных (на основе принципа прецедента), опираясь на штат профессиональных делопроизводителей — дьяков и подьячих. Действуя под контролем государя, приказная система стала неким стержнем в управлении объединенным после затянувшейся раздробленности государством. Заложенные законодателем основы функционирования приказов обеспечили эффективное руководство крупным централизованным государством и системный подход к решению внутrigосударственных проблем.

³ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М. : Юридическая литература, 1985. Т. 2. С. 54–55.

⁴ Лисейцев Д. В. Судные приказы Московского царства в конце XVI — начале XVII в. // Российская история. 2010. № 6. С. 106.

⁵ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 98.

⁶ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 98.

⁷ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 102.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лисейцев Д. В. Судные приказы Московского царства в конце XVI — начале XVII в. // Российская история. — 2010. — № 6. — С. 106–115.
2. Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. — Т. 6 : Исследования о различных предметах законоведения. — СПб., 1859. — 643 с.

REFERENCES

1. Liseitsev DV. Court orders of the Moscow kingdom in the late 16th — early 17th centuries. *Russian History*. 2010;6:106-115. (In Russ.).
2. Nevolin KA. Education of management in Russia from Ivan III to Peter the Great. In: Complete works by K. A. Nevolin. Vol. 6: Research on Various Subjects of Law. St. Petersburg; 1859. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.31.3.042-045

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Игитханян Нарек Седракович,

аспирант кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Igitkhanyan98@mail.ru

© Игитханян Н. С., 2024

Аннотация. Статья содержит правовой анализ демографических процессов в России в ретроспективном аспекте в дореволюционный период. Решение демографических проблем в Российской Федерации на современном этапе представляется возможным только при учете историко-правового опыта государственно-правового регулирования общественных отношений в демографической сфере, в том числе в Российской империи, при учете положительных историко-правовых традиций. Следует учитывать, что демографические процессы оказывают влияние на возможность принятия и реализацию управленческих решений на национальном и региональном уровнях, а государственная правовая демографическая политика является составной частью правовой политики государства в целом. В данной статье исследуются этапы становления демографической политики в Российской империи, ее место и роль, цели. Дается определение демографических процессов, демографической политики, ее современное представление в нормах права. Соотношение социальной политики и демографической политики государства. Определяется значимость и важность развития и поддержки со стороны государства демографической политики в частности и социальной политики в целом. Проанализирован ряд законов Российской империи с XVIII по XX вв., выявлены особенности демографической и социальной политики. Учтены статистические данные переписи населения 1897 г., ставшей первой всеобщей переписью населения, определяющей количественный и качественный состав населения Российской империи. Исследуются основные реформы в сфере трудовых отношений, здравоохранения, пенсионной сфере.

Ключевые слова: юриспруденция; государство; право; история государства и права; Российская империя; социальная политика; демография; демографическая политика; население; правовая политика.

LEGAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC POLICY IN THE RUSSIAN EMPIRE

Narek S. Igitkhanyan,

Postgraduate Student, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

Igitkhanyan98@mail.ru

Abstract. The paper provides a legal analysis of demographic processes in Russia in a retrospective aspect during the pre-revolutionary period. The solution of demographic problems in the Russian Federation at the present stage is possible only taking into

account the historical and legal experience of state legal regulation of public relations in the demographic sphere, including in the Russian Empire, taking into account positive historical and legal traditions. It should be borne in mind that demographic processes influence the possibility of making and implementing management decisions at the national and regional levels. State legal demographic policy is an integral part of the legal policy of the state as a whole. The paper examines the stages of the formation of demographic policy in the Russian Empire, its place, role, and goals. The author defines demographic processes, demographic policy, and its modern representation in the norms of law. The paper describes correlation between social policy and demographic policy of the State. The importance of the development and State support of demographic policy in particular and social policy in general is determined. The author analyzed several laws of the Russian Empire adopted from the 18th to the 20th centuries, determined features of demographic and social policy. The author takes into account statistical data of the 1897 census that became the first general census of the population, which determines the quantitative and qualitative composition of the population of the Russian Empire. The paper investigates major reforms in labor relations, health care, pension reforms.

Keywords: jurisprudence; the state; right; history of state and law; Russian Empire; social policy; demographics; demographic policy; population; legal policy.

Прежде чем рассматривать различные аспекты, связанные с реализацией государственной демографической политики в Российской империи, необходимо дать определение понятию «демографическая политика», раскрыть ее цели и место в механизме государственно-правового регулирования.

В первую очередь стоит определиться с понятием «демографические отношения». Данные отношения возникают в процессе воспроизводства населения путем деторождения, а также иммиграции и эмиграции. На характер демографических отношений немаловажную роль оказывает государство, которое, в свою очередь, формирует государственную демографическую политику¹.

Определение демографической политики закреплено в Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года. Отмечается, что демографическая политика России направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, повышение рождаемости, осуществление регулирования внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и на этой основе — улучшение демографической ситуации в стране.

Демографическая политика — это комплекс мероприятий, осуществляемых государством для поддержания благоприятной демографической ситуации в стране путем обеспечения высокого уровня продолжительности жизни, создания оптимальных условий жизни, труда, снижения смертности и заболеваемости населения, также являющийся частью социальной политики государства.

В чем же главная цель демографической политики государства? Основная задача — стимулирование воспроизводства населения, а также социальные меры, направленные для его поддержки и развития, в частности улучшение условий труда, жизни, отдыха, питания, образования, здравоохранения и другие меры.

Тяжелое наследство XX в., в частности высокая смертность, низкая рождаемость, спад качества жизни, низкие доходы населения, миграция из сел в городские центры, трудовые мигранты, отток научных умов и кадровый голод, — все эти проблемы требуют грамотного правового регулирования. В условиях демографического кризиса сформировалось понимание того, что демографическая политика выходит на передний план для всей страны, от нее будет зависеть рост качества жизни граждан и дальнейшее благополучие населения страны в целом.

¹ См.: Баранов В. А., Буянова А. В., Волкова Н. С., Еремина О. Ю., Петюкова О. Н. [и др.]. Социальная защита семьи: совершенствование механизма правового регулирования : монография. М. : Деловой двор, 2015.

Для глубокого понимания и выстраивания современной правовой политики Российской Федерации в демографической сфере необходимо тщательное изучение соответствующих процессов на конкретных историко-правовых примерах развития российского государства и права, в том числе в дореволюционный период.

Государственная демографическая политика Российской империи берет свое начало с XVIII в. К этому времени Российская империя территориально стала огромным государством по меркам того времени, численность населения постепенно росла, и население расселялось по новым территориям, что осложняло реализацию управленческой и контрольной функций государства, в связи с чем актуализировалась потребность в ясном и четком понимании особенностей регионов державы, экономических возможностей, объема поступающих в казну средств в виде различного рода податей, налогов. В начале XVIII в., во времена правления Петра I, Россия стала империей, одной из движущих сил Старого Света. Создание одной из современных и мощных армий Европы, а также появление военного флота воздвигало Россию в ранг ведущих держав на континенте. Новые дипломатические отношения, амбиции и возможности требовали больших денег и сильной экономики. Дабы увеличить поток денежных средств в казну, было принято решение оптимизировать учет податного населения. Первые переписи населения в Российской империи учитывали лишь податное население, в частности крестьян, мещан, купцов, а вот численность дворянства по ним не фиксировалась, так как дворяне не относились к податному населению, следовательно, полной картины о численности населения Российской империи не было.

Вместе с тем уже в 1897 г. была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи². Согласно результатам данной переписи, в Российской империи проживало около 125,6 млн человек. Также учитывались данные о вероисповедании, языковых группах, сословиях, месте проживания, соотношении численности мужчин и женщин и др.³

Важным этапом развития социальной политики стало утверждение в 1827 г. Устава о пенсиях и единовременных пособиях⁴. Этот документ заложил основу целостной системы пенсионного обеспечения. В частности, введение специальных льготных условий, а также выплат для государственных служащих из средств казначейства.

Активное развитие социальной политики началось со второй половины XIX — начала XX в. Центром внимания стали трудовые отношения, в частности правовое регулирование правил работы обществ и касс взаимопомощи, создаваемых рабочими в XIX в.

Уже к 1903 г. был принят закон, предусматривающий правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, таким образом, обязывая работодателей осуществлять выплаты пособий и пенсий рабочим при несчастных случаях, а также брать на себя компенсацию и расходы на лечение. Всё это свидетельствовало о закреплении первых трудовых прав рабочих, а также гарантий их соблюдения со стороны работодателя, что способствовало улучшению демографической ситуации, ведь важным элементом прироста населения является среди прочего также создание безопасных и защищенных правовыми средствами условий труда.

Важное место в демографической политике Российской империи занимала система здравоохранения. В 1775 г. издан законодательный акт «Учреждения для управления

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. // Официальный сайт Президентской библиотеки. URL: <https://www.prilib.ru/collections/1330124> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. : в 2 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905.

⁴ Устав о пенсиях и единовременных пособиях от 06.12.1827 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 2. № 1592.

губерний Всероссийской империи»⁵. Эта реформа создала единую систему гражданской медицины во всех губерниях, предусматривала различные гигиенические рекомендации о выборе места для устройства больниц, карантинные меры для инфекционных больных. Также создавались специальные учреждения для больных «неизлечимой болезнью», чтобы не занимать места в больницах и госпиталях⁶. К началу 1780 г. уже было создано 13 приказов общественного призрения, к 1785 г. их было 35, а в 1796 г. — 40⁷.

Итак, организационно-правовые меры по созданию и развитию сети медицинских учреждений способствовали оздоровлению населения, поддержанию уровня жизни и увеличению ее продолжительности, что положительно влияло на демографическую ситуацию в стране. Демографическая политика Российской империи во многом строилась на переписных данных о населении страны, которые на протяжении рассматриваемого исторического периода становились более полными, точными и детализированными, что создавало предпосылки для осуществления более результативных мер социальной поддержки населения и улучшения демографической ситуации в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов В. А., Буянова А. В., Волкова Н. С., Еремина О. Ю., Петюкова О. Н. [и др.]. Социальная защита семьи: совершенствование механизма правового регулирования : монография. — М. : Деловой двор, 2015.
2. Смоленский Н. История больниц в России // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. — 1888. — Т. 2. — С. 213.

REFERENCES

1. Baranov VA, Buyanova AV, Volkova NS, Eremina OYu, Petyukova ON [et al.] Social protection of the family: improving the mechanism of legal regulation. Moscow: Business yard Publ.; 2015. (In Russ.).
2. Smolensky N. History of hospitals in Russia. *Russian Journal of Forensic Medicine and Public Hygiene*. 1888;2:213. (In Russ.).

⁵ Благочестивейшая самодержавнейшая великая государыня имп. Екатерины Второя учреждения для управления губерний Всероссийския империи. М. : Сенат. тип., 1775. С. 153.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 20. С. 232, 271, 274, 276–278.

⁷ Смоленский Н. История больниц в России // Вестник судебной медицины и общественной гигиены. 1888. Т. 2. С. 213.

ОБ ОПЫТЕ ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОЙ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ФЕВРАЛЕ — ОКТЯБРЕ 1917 г.)

Лясович Татьяна Георгиевна,

докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета
МВД России, кандидат юридических наук, доцент

198261, Россия, г. Санкт-Петербург, Летчика Пилютова ул., д. 1

vyaznikova@mail.ru

© Лясович Т. Г., 2024

Аннотация. В статье представлена точка зрения автора относительно состояния духовной сферы русского общества, изменения в которой были вызваны кризисом, возникшим вследствие революционных событий февраля 1917 г., и связанным с ним опытом построения новой идеологии в условиях сложившейся в Российском государстве в марте — октябре 1917 г. переходной государственно-правовой системы. Автор на основе изучения широкого круга источников подверг критическому осмыслению данный опыт и сделал ряд выводов о том, что подобное строительство в условиях перманентного духовного кризиса было затруднено, а он сам был обусловлен совокупностью факторов: политических, социально-экономических, культурно-религиозных и др. Состояние государственно-правовой аномии, которое справедливо может считаться одним из характерных черт переходной государственно-правовой системы, стало следствием глубокого духовного, религиозного, идеологического, культурного конфликта, возникшего, начиная с первых дней становления «нового» Российского государства, и образовавшегося духовного вакуума и ситуации идеологической и религиозной неопределенности. Углублению духовного кризиса в русском постреволюционном обществе способствовала и меняющаяся в соответствии с политической ситуацией позиция Русской православной церкви по отношению к новой буржуазной власти и ее реформаторским замыслам. Подчеркнуто-равнодушная позиция русского духовенства по отношению к Временному правительству лишней раз показывала непопулярность его решений в глазах общества, лишала его проекты идеологической поддержки, тем самым способствуя утрате правительством авторитета у населения. В таких условиях все попытки центральной власти сформировать новую постреволюционную буржуазно-республиканскую идеологию оказались неудачными.

Ключевые слова: российская государственность; Февральская революция; социальные потрясения; переходная государственность; переходная государственно-правовая система; буржуазная идеология; духовный кризис; маркеры переходности; государственно-правовая аномия; мировоззренческие ориентиры.

BUILDING A NEW IDEOLOGY IN THE CONDITIONS OF A TRANSITIONAL STATE-LEGAL SYSTEM (THE CASE STUDY OF THE RUSSIAN REPUBLIC IN FEBRUARY — OCTOBER 1917)

Tatyana G. Lyasovich,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Doctoral Student, Research Department of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

vyaznikova@mail.ru

Abstract. The paper presents the author's point of view regarding the spiritual sphere of Russian society, changes in which were caused by the crisis resulting from the revolutionary events of February 1917, and the related experience of building a new ideology in the conditions of the transitional state law system in the Russian state in March-October 1917. The author, based on the study of a wide range of sources, critically analyzed this experience and made a number of conclusions: such construction in the conditions of permanent spiritual crisis was difficult and it was conditioned by a set of factors, namely, political, socio-economic, cultural-religious, etc. The author's analysis of this experience was based on the study of a wide range of sources. The state of a state law anomie, that can rightly be considered one of the characteristic features of the transitional state-legal system, was the result of a deep spiritual, religious, ideological, cultural conflict that emerged, starting from the first days of the formation of the «new» Russian state, and the resulting spiritual vacuum and situation of ideological and religious uncertainty. The changing position of the Russian Orthodox Church in relation to the new bourgeois government and its reformist plans due to the political situation also contributed to the deepening of the spiritual crisis in Russian post-revolutionary society. The emphatically indifferent position of the Russian clergy towards the Provisional Government once again emphasized the unpopularity of its decisions in the eyes of society, deprived its projects of ideological support. Thus, this contributed to the loss of the government's authority among the population. Under such conditions, all attempts of the central government to form a new post-revolutionary bourgeois-republican ideology were unsuccessful.

Keywords: Russian statehood; February Revolution; social upheavals; transitional statehood; transitional state-legal system; bourgeois ideology; spiritual crisis; markers of transitivity; state-legal anomie; worldview orientations.

Революционные события в феврале 1917 г. в России не только «потрясли мир... но существенно изменили его»¹. Они привели не только к упразднению монархии и построению нового по форме государства с новой политической элитой у власти и новыми наименованиями государственно-властных и правовых институтов — они заложили основу новой государственности, новой идеологии, новой культуры, которые, к сожалению, не успели получить завершённого теоретико-юридического контура в силу ограниченности срока нахождения у власти Временного правительства и самого существования Российской республики.

Тем не менее сама идея органичного слияния заимствованных в странах Европы и США политико-правовых конструкций (парламента, республиканской формы, конституции и др.) и идей демократии с традиционными представлениями и религиозными убеждениями русского народа не утрачивает актуальности и в настоящее время.

¹ Гринин Л. Е. Русская революция и ее влияние на изменение исторического процесса // Философия и общество. 2022. № 2. С. 6.

После февральских событий 1917 г. перед новой властью встал ряд важных и требующих скорейшего разрешения задач, среди которых одной из первостепенных была и идеологическая задача, а именно — удержать страну, оказавшуюся на «краю пропасти», в условиях затяжной мировой войны, экономического и политического кризисов, от духовного падения и морального разложения, заменив образовавшийся духовный вакуум новой идеологией.

Представлялось ли это возможным в новых постреволюционных условиях?

После Февральской революции 1917 г. состояние всех без исключения сфер жизни русского общества могло быть оценено как перманентно кризисное.

Анализ трансформаций, произошедших в государственно-правовой и иных сферах российского государства и общества в условиях социальных потрясений февраля 1917 г. и после них, позволяет сделать вывод о том, что российская государственность в рассматриваемый исторический период вступила в состояние переходности. Этот тезис подкрепляется теоретической концепцией переходного государства, сформулированной В. В. Сорокиным², и обнаружением признаков переходности³ при анализе состояния отечественного государства и права в феврале — октябре 1917 г.

Подчеркнем, что одним из признаков переходного состояния государственности является духовный кризис общества, который наиболее ярко проявил себя после событий Февральской революции 1917 г. Кризис был вызван рядом причин, одной из которых стала ломка существовавшей в Российской империи системы духовных ценностей, второй — дестабилизация положения Русской православной церкви в государстве и обществе⁴.

Иными словами, упразднение монархии означало крушение системы «национальных скреп», основанной на уваровской триаде: «самодержавие, православие, народность»⁵, которая являлась основой самосознания русского человека, верно-подданного государя-императора. Появление после Февральской революции 1917 г. новых критериев духовности, основывающихся на новых революционных идеалах и инициировавших «кризис восприятия церкви»⁶, стало камнем преткновения между церковью и правительством, способствовало как образованию нигилистической прослойки в русском обществе, так и всплеску революционных радикальных настроений. Формирование многообразия вариаций новых духовных культур «размыло» прежнюю имперскую духовно-нравственную доминанту социокультурного бытия, предложив взамен неясные мировоззренческие ориентиры⁷. Это не могло не проявить себя извне.

² Сорокин В. В. *Общее учение о государстве и праве переходного периода* : монография. М. : Юрлитинформ, 2010.

³ О признаках государства и права переходного периода неоднократно писал М. Н. Марченко (МГУ имени М.В.Ломоносова): *Марченко М. Н. Теория государства и права* : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. С. 188.

⁴ По мнению В. А. Руденко, факторами духовного кризиса общества становятся, как правило, пережитая обществом трансформация, а также переоценка базовых социальных ценностей. См.: *Руденко В. А. Духовный кризис современного российского общества как следствие догоняющей модернизации* // *Общество: политика, экономика, право*. 2009. № 1–2. С. 32.

⁵ Ромашов Р. А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа // *Ленинградский юридический журнал*. 2022. № 1 (67). С. 19–32.

⁶ Среди иных признаков духовного кризиса в обществе Ю. Л. Ореханов (свящ. Г. Ореханов) выделяет так называемый кризис восприятия церкви, который проявляется в общем падении авторитета церкви. См.: *Ореханов Ю. Л. Духовный кризис российского общества: некоторые методологические аспекты проблемы* // *Вестник ВятГУ*. 2011. № 3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnyy-krizis-russkogo-obschestva-nekotorye-metodologicheskie-aspekty-problemy> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Филюшкина Д. В. Духовный кризис современного российского общества как предмет социально-философского осмысления // URL: https://upload.pgu.ru/iblock/0ac/uch_2012_i_00020.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

Первые месяцы после Февральской революции в Петрограде ознаменовались невиданным ранее разгулом преступности. Безработные, дезертиры и праздная молодежь образовывали шайки и занимались хулиганством. Повсеместно возросло количество преступлений и негативных проявлений в религиозной сфере и сфере нравственности. О кризисном состоянии духовной сферы свидетельствовали и рост различных сектантских организаций⁸, а также увеличение общей численности негативных проявлений религиозно-экстремистского толка⁹, которые являли собой попытку оппозиционно-настроенных общественных сил поиска путей выхода из духовного кризиса.

Во многом такое положение вещей было обусловлено тем, что после Февральской революции и падения самодержавия русское общество оказалось перед сложным выбором, который затрагивал насущные вопросы времени: Быть ли в России монархии или республике? Какова роль Учредительного собрания? Сможет ли народ своими силами охранять общественный порядок и бороться с преступностью? Какова роль церкви и ее учения в новой постреволюционной демократической России? Что противопоставить знаменитой уваровской концепции «самодержавие, православие, народность»?¹⁰

Окончательных ответов на эти (как и многие другие) вопросы у новой политической элиты, пришедшей к власти, не было.

Е. Н. Трубецкой с горечью писал о том, что именно в событиях 1914–1918 гг. (Первая мировая война, Февральская революция 1917 г., Октябрьская революция 1917 г. и др.) таился зародыш последующего глобального кризиса¹¹. К тому же русское общество объективно утратило потребность поиска ответов на свои духовные запросы в церкви. Русская православная церковь оказалась не готова в новых сложившихся условиях к диалогу, а ее вероучение в свете политических новаций стало лишь одним из многочисленных вариантов мировоззрения. Так, в условиях духовного кризиса «в недрах русского общества зародился новый позитивистский тип мировоззрения, а также новое сугубо атеистическое и материалистическое миропонимание»¹².

⁸ Общее число сектантов и раскольников, по данным переписи населения в 1897 г., превышало два миллиона человек. Исследователи предполагают, что их число доходило до шести миллионов, ибо «далеко не все были готовы говорить о своих религиозных убеждениях». См.: *Кнорре Б.* Народное богоискательство: толстовцы, хлысты и другие секты // URL: <https://arzamas.academy/materials/1322> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Оценивая состояние русского общества начала XX в. с точки зрения проявления религиозного экстремизма и реакции на него властей, важно обратить внимание на проблему отождествления экстремизма и революционной борьбы, которая за последнее десятилетие стала «устойчивым трендом», показателем их общей генетической и иной связи. В современной отечественной исторической науке широко распространено мнение о тождестве экстремизма и терроризма как разновидностях деструктивной деятельности, известных с древних времен всему мировому сообществу. См., например: *Антропов В. М.* Противодействие полиции Томской губернии национальному и религиозному экстремизму в конце XIX — начале XX в. // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Томск : Нац. исслед. Томск. гос. ун-т, 2015. С. 52–53 ; *Варданян А. В., Кулешов Р. В.* Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3. С. 40–45 ; *Елизаров М. А.* Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2007.

¹⁰ *Ромашов Р. А.* Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1 (67). С. 19–32.

¹¹ Цит. по: *Левченко А. И., Груздев В. В.* Правовое регулирование общественных отношений в нестабильных социумах : монография. М. : Проспект, 2022. С. 300.

¹² *Ореханов Ю. Л.* Духовный кризис российского общества: некоторые методологические аспекты проблемы // Вестник ВятГУ. 2011. № 3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

Осознавая сложность ситуации, Временное правительство пыталось заполнить образовавшийся «духовный вакуум» революционными воззваниями и потенциальными возможностями для граждан новой России, перенеся акценты на законодательно закрепленные демократические права и свободы граждан (свобода слова, митингов, вероисповедания и т.д.)¹³. Пресса того времени пестрела яркими заголовками и воззваниями, однако всё это создавало лишь атмосферу мнимого движения вперед, развития и созидания. На решение насущных вопросов (подготовка и проведение выборов в Учредительное собрание, создание народной милиции) затрачивались огромные для того времени средства, силы и время, однако долгожданных позитивных изменений все не наступало. Это приводило к разочарованию новой властью, утрате доверия к ней.

Попытка правительства предложить гражданам Российской республики новый алгоритм жизни и борьбы за собственные права и свободы «мирными средствами» не увенчалась успехом. К тому же большинство населения бывшей империи не успели понять, что же изменилось в государстве и как им надлежит действовать в сложившихся условиях. Многовековая вера русского крестьянства в «доброту царя-батюшку», наряду с традиционной миролюбивостью и терпением как исконными качествами русской натуры, не позволяли в одночасье укорениться новым буржуазно-демократическим идеям и идеалам. И если «чинно-благообразный» председатель Временного правительства князь Львов с его «толстовской верой в простой народ» еще мог вызвать доверие русского крестьянства (т.е., по сути, большинства населения России, которая являлась аграрной страной), то энергично-нервный Керенский с новомодной «европейской» прической и креативными взглядами на устройство государства изначально казался чужаком и не вызывал доверия крестьянского населения. Отсутствие единого конкретного подхода к проблеме устройства Российского государства у правящей верхушки, а зачастую и враждебное или равнодушное отношение представителей новой политической элиты друг к другу в условиях перманентного духовного кризиса русского общества сделали невозможным формирование новой постреволюционной идеологии.

Заслуживает внимания и тот факт, что «официальная» позиция Русской православной церкви по отношению к Временному правительству и его преобразованиям менялась по мере изменения политической ситуации. Изначально русское духовенство достаточно позитивно восприняло приход к власти Временного правительства, поскольку идеи независимости церковной власти от светской не были чужды и церковной организации. Однако последующие новации в виде демократизации внутреннего церковного управления и узаконения свободы совести наряду с проведением правительством политики конфискации церковной собственности (например, церковно-приходских школ) вызвали недовольство русского православного духовенства и заставили его пересмотреть свое отношение к новому органу власти.

В завершение представляется уместным вспомнить слова Е. Н. Трубецкого, который предупреждал, что «государственное и общественное строительство возможно лишь при одном условии: должны быть восстановлены духовные основы разрушенного общежития. Если этого нет, — всякое общественное строение обречено на разрушение, кто б его ни строил — Учредительное собрание или Директория...»¹⁴. И эти слова применительно к событиям февраля — октября 1917 г. в России оказались пророческими.

[duhovnyy-krizis-russkogo-obschestva-nekotorye-metodologicheskie-aspekty-problemy](#) (дата обращения: 10.09.2024).

¹³ Декларация Временного правительства о его составе и задачах от 03.03.1917 // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1.

¹⁴ Цит. по: Левченко А. И., Груздев В. В. Указ. соч. С. 301.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антропов В. М. Противодействие полиции Томской губернии национальному и религиозному экстремизму в конце XIX — начале XX в. // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. — С. 52–53.
2. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 3. — С. 40–45.
3. Гринин Л. Е. Русская революция и ее влияние на изменение исторического процесса // Философия и общество. — 2022. — № 2. — С. 5–24.
4. Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2007. — 51 с.
5. Кнорре Б. Народное богоискательство: толстовцы, хлысты и другие секты // URL: <https://arzamas.academy/materials/1322> (дата обращения: 10.09.2024).
6. Левченков А. И., Груздев В. В. Правовое регулирование общественных отношений в нестабильных социумах : монография. — М. : Проспект, 2022. — 480 с.
7. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2021. — 640 с.
8. Ореханов Ю. Л. Духовный кризис российского общества: некоторые методологические аспекты проблемы // Вестник ВятГУ. — 2011. — № 3-1.
9. Ромашов Р. А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа // Ленинградский юридический журнал. — 2022. — № 1 (67). — С. 19–32.
10. Руденко В. А. Духовный кризис современного российского общества как следствие догоняющей модернизации // Общество: политика, экономика, право. — 2009. — № 1-2. — С. 32–35.
11. Сорокин В. В. Общее учение о государстве и праве переходного периода : монография. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 424 с.
12. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. — М. : Республика, 1994. — 432 с.
13. Филюшкина Д. В. Духовный кризис современного российского общества как предмет социально-философского осмысления // URL: https://upload.pgu.ru/iblock/0ac/uch_2012_i_00020.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

REFERENCES

1. Antropov VM. Counteraction of the police of Tomsk province to national and religious extremism in the late 19th — early 20th century. In: Legal Problems of Strengthening Russian statehood: A Collection of Articles. Tomsk: National Research Tomsk State University; 2015. (In Russ.).
2. Vardanyan AV, Kuleshov RV. Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of criminalistic scientific knowledge. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;3:40-45. (In Russ.).
3. Grinin LE. Russian Revolution and its Impact on the Change of the Historical Process. *Philosophy and Society*. 2022;2:5-24. (In Russ.).
4. Elizarov MA. Left-wing extremism in the Navy during the Revolution of 1917 and the Civil War (February 1917 — March 1921). Author's Abstract. Dr. Sci. (History). St. Petersburg: St. Petersburg University Press; 2007. (In Russ.).
5. Knorre B. People's God-seeking: Tolstovtsy, Khlysts and other sects. Available at: <https://ar-zamas.academy/materials/1322> (Accessed 10.09.2024).
6. Levchenkov AI, Gruzdev VV. Legal regulation of public relations in unstable societies. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).

7. Marchenko MN. Theory of State and Law: textbook. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
8. Orekhanov YL. Spiritual crisis of the Russian society: some methodological aspects of the problem. *Vestnik VyatSU*. 2011;3-1. (In Russ.).
9. Romashov RA. Constitutional-legal systems of the modern world: Experience of comparative analysis. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal [Leningrad Law Journal]*. 2022;1(67):19-32. (In Russ.).
10. Rudenko VA. Spiritual crisis of modern Russian society as a consequence of catch-up modernization. *Society: Politics, Economics, Law*. 2009;1-2:32-35. (In Russ.).
11. Sorokin VV. General doctrine of the state and law of the transition period. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2010. (In Russ.).
12. Trubetskoy EN. The Meaning of Life. Moscow: Respublika Publ.; 1994. (In Russ.).
13. Filiushkina DV. Spiritual crisis of modern Russian society as a subject of socio-philosophical comprehension. Available at: https://upload.pgu.ru/iblock/0ac/uch_2012_i_00020.pdf (Accessed 10.09.2024). (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.31.3.053-056

ПЕРВИЧНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОЙ ВЫГОДЫ НАД ИДЕОЛОГИЕЙ В ВОЙНАХ И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Грищенко Леонид Леонидович,
профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях
Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, кандидат военных наук, профессор
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
vvg_59@mail.ru

© Грищенко Л. Л., 2024

Аннотация. В статье дается краткий анализ причин и поводов для развязывания военных конфликтов и войн в прошлом, настоящем и делается прогноз на будущее. Давая оценку при сравнении идеологических разногласий и коммерческих целей, автор делает вывод о первичности экономических приоритетов, служащих причинами военных конфликтов и войн. Анализируя исторические примеры, автор показывает, что именно экономические приоритеты во все времена являлись основными причинами для развязывания военных действий. Основными задачами, которые решал агрессор, развязывая войну, являлись: расширение территории своего обитания; разграбление побежденных; превращение побежденного населения в рабов (дешевую рабочую силу). Именно данные приоритеты, по мнению автора, являются главными во всех войнах и вооруженных конфликтах, происходящих в истории. Аналогичные задачи решают в настоящее время промышленные и банковские олигархи США и объединенного Запада на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке, Европе. Иные цели и задачи войн и вооруженных конфликтов являются второстепенными и могут быть реализованы в качестве дополнительных. В этой связи вопрос о первичности и вторичности коммерческой выгоды и идеологии решается в пользу коммерческой выгоды. В статье, на основе научных и исследовательских работ автора, делается вывод о том, что современная ситуация в мире имеет хорошо продуманную и тщательно просчитанную финансовыми олигархами США и объединенного Запада ситуацию, которая является коммерческим проектом, и ее реализация должна принести им существенные доходы, а населению планеты Земля разрушение, горе и страдание.

Ключевые слова: военный конфликт; война; идеология; территория; разграбление; анализ; история; коммерческие цели; экономика; агрессор.

THE PRIMACY OF COMMERCIAL GAIN OVER IDEOLOGY IN WARS AND ARMED CONFLICTS

Leonid L. Grishchenko,

Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Military Sciences), Professor, Department of Management of Internal Affairs in Special Conditions, Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation
vvg_59@mail.ru

Abstract. *The paper provides a brief analysis of the causes and reasons for military conflicts and wars in the past and present and makes a forecast for the future. By comparing ideological differences and commercial goals, the author concludes that economic priorities are the primary causes of military conflicts and wars. Analyzing historical examples, the author shows that economic priorities have always been the main reasons for unleashing military actions. The main objectives that the aggressor solved by unleashing war were: expansion of the territory of its habitat; plundering of the defeated; transformation of the defeated population into slaves (cheap labor). These priorities, in the author's opinion, are the main ones in all wars and armed conflicts in history. Similar tasks are currently being solved by the industrial and banking oligarchs of the United States and the United West in the Middle East, Africa, Latin America and Europe. Other goals and objectives of wars and armed conflicts are secondary and can be realized as additional ones. In this regard, the question of the primary and secondary objectives of commercial benefit and ideology is resolved in favor of commercial benefit. In the paper, on the basis of scientific and research works of the author, it is concluded that the current situation in the world is a well thought out and carefully calculated by the financial oligarchs of the United States and the united West, when a commercial project and its realization should bring them substantial profits, and the population of the planet Earth — destruction, grief and suffering.*

Keywords: Military conflict; war; ideology; territory; plunder; analysis; history; commercial objectives; economy; aggressor.

Чтобы понимать настоящее и заглянуть в будущее, необходимо знать и разбираться в событиях прошлого. Это объективный закон развития. А именно объективного представления и понимания истинных данных о прошлом человечества и его отдельных составляющих в наибольшей степени опасаются те, кто строит настоящее по правилам, позволяющим одним властвовать над другими, жить за счет ограбления большей части человечества, формировать будущее мира так, как считают выгодным и полезным для себя. Прошлого в современном мире боятся еще и потому, что, имея свойства повторяться во времени, оно неизбежно расставляет все по своим местам, воздает по заслугам и восстанавливает порядок в будущем. В этой связи, искажая и подтасовывая события прошлого, отдельные группы людей, стремящиеся к господству в современном мире, пытаются убедить человечество в том, чего на самом деле не было и быть не могло. Историю постоянно переписывая в угоду тех или иных групп, классов, сообществ, национальных элит, экономических воротил и т.д., то есть тех, кто может себе позволить купить или принудить мировое сообщество сформировать нужное им представление об истории в целом и событиях прошлого применительно к выгодной им ситуации.

Обстановка, которая сложилась в современном мире, дает основание утверждать, что человечество вступило в эпоху нового сложного периода, имеет место новый виток напряженности в развитии мирового сообщества. Человечество приблизилось к ситуации, когда оно может полностью уничтожить все живое на планете Земля. Такая ситуация приведет к полной потере существования разума, которым природа

наделила Homo sapiens, что влечет за собой полную потерю всех будущих поколений, а значит, и всех будущих ценностей, которые могли бы быть ими созданы.

В истории можно найти многочисленные примеры развязывания войн, поводом для которых объявлялись идеологические разногласия. При этом в большинстве своем, описывая причины войн и вооруженных конфликтов, ученые и исследователи делают акцент на противоречиях именно в идеологической области, то есть разногласиях по поводу общественных ценностей, системы взглядов, идей, теорий, которые, как считали исследователи, через призму интересов определенной части общества отражали его корыстные интересы. Так, с давних пор существует достаточно много примеров религиозных войн и конфликтов (крестовые походы, борьба инквизиции с иудаизмом и исламом, войны Арабского халифата). Нередко агрессор пытался навязать другим народам определенные ценности (демократические ценности, «ценности цивилизации», толерантность и т.д.). Имели место попытки изменения идеологической основы того или иного государства (противоречие между капиталистической и социалистической системами, превосходство нации, фашизм, ликвидация тоталитарных режимов и т.д.).

Войну ведут как минимум две противоборствующие стороны. Следует их четко разделять на агрессора и жертву агрессии. И если для агрессора идеологические установки, как правило, являются оправданием его преступных замыслов, то для противоположной стороны идеология становится оружием, которым вооружается общество для защиты.

Идеология всецело оказывает влияние на выбор объекта, против которого защищающаяся сторона ведет войну, а также на методы использования военной силы. Например, используемая фашистской Германией человеконенавистническая идеология (массовые истребления людей, жестокость по отношению к военнопленным, женщинам, престарелым, детям и т.д.) не была принята значительной частью населения планеты. Мессианская либеральная идеология США предопределила жестокость войны в Корее, Вьетнаме, Ираке¹. Подобная ситуация имела место по отношению к мирным жителям Донбасса со стороны Киевского режима после майдана 2014 г. Не меньшую озабоченность вызывает идеология Израиля по варварскому уничтожению мирных жителей в секторе Газа².

Начиная войну, армия агрессора стремится захватить территорию, которая в последующем становится военным трофеем победителя. Именно расширение территории и утверждение права по ее пользованию во все времена было целью развязывания войн. Достаточно привести примеры древних империй, колониальные войны, походы крестоносцев. В последнем случае имело место завоевание территорий с целью расширения паствы.

Вторая задача, которую преследует агрессор, заключается в приобретении материальных ценностей посредством их присвоения по праву сильного. К материальным ценностям в разные времена относилось: продовольствие, драгоценные металлы, культурные ценности, орудия производства, различные товары, имеющие практическую ценность для человека, и т.д. Следует отметить, что со временем одной из основных ценностей для человека становятся полезные ископаемые и энергоресурсы. Именно за перераспределение источников сырья были развязаны две мировые войны XX столетия. Именно за энергоресурсы шла и продолжается борьба в мире с началом нового тысячелетия.

Третья задача военной агрессии — получение дешевой, а лучше бесплатной рабочей силы, которая должна обеспечить победителя материальными и духовными благами. Реализацию данной цели сформулировал еще в I в. н. э. римский

¹ Голдберг Д. Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы. М.: Рид групп, 2012. С. 210.

² «Ужасающие зверства»: западные врачи рассказали в ООН об увиденном в Газе // Лента новостей. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20240320/uzhasayuschie-zverstva-zapadnye-vrachi-rasskazali-v-onn-ob-uvиденном-v-gaze-73593946.html> (дата обращения: 10.09.2024).

поэт-сатирик Ювенал: «Хлеба и зрелищ!» Решив первые две цели — территория и разграбление материальных ценностей, — победитель может позволить своим подданным наслаждаться изобилием и развлекаться, а народы, проигравшие войну, должны им это обеспечить.

В войнах агрессор решает три главные задачи: расширение территории своего обитания; разграбление побежденных; превращение побежденного населения в рабов (дешевую рабочую силу). Иные цели и задачи войн и вооруженных конфликтов являются второстепенными и могут быть реализованы в качестве дополнительных. В этой связи вопрос о первичности и вторичности коммерческой выгоды и идеологии решается в пользу коммерческой выгоды. Все попытки поставить на первое место идеологические начала являются ширмой, за которой скрывается алчная сущность современного капиталистического общества, стремящаяся получить сверхприбыль на крови и горе жителей планеты. Современная ситуация в мире имеет хорошо продуманную и тщательно просчитанную финансовыми олигархами Запада ситуацию, которая является коммерческим проектом, и ее реализация должна принести им существенные доходы, а населению планеты Земля разрушение, горе и страдание.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Голдберг Д. Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы. — М. : Рид групп, 2012. — 509 с.
2. «Ужасающие зверства»: западные врачи рассказали в ООН об увиденном в Газе // Лента новостей. — URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20240320/uzhasayuschie-zverstva-zapadnye-vrachi-rasskazali-v-oon-ob-uvidennom-v-gaze-73593946.html> (дата обращения: 10.09.2024).

REFERENCES

1. Goldberg D. Liberal Fascism. A History of the Left from Mussolini to Obama. Moscow: Reed Group; 2012. (In Russ.).
2. «Horrible atrocities»: Western doctors told the UN about what they saw in Gaza. *Lenta Novosti*. Available at: <https://ru.armeniasputnik.am/20240320/uzhasayuschie-zverstva-zapadnye-vrachi-rasskazali-v-oon-ob-uvidennom-v-gaze-73593946.html> (Accessed 10.09.2024).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.31.3.057-062

КОНВЕНЦИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ 1925 г. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Смазнов Вячеслав Тимофеевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
smaznov.slavik@yandex.ru

© Смазнов В. Т., 2024

Аннотация. Статья посвящена проблеме международного сотрудничества между Советским Союзом и Японией в 1920-е гг. Автор использует метод историко-правового анализа в изучении конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, которая была принята в 1925 г. Конвенция явилась одним из первых значимых исторических памятников XX в. в рамках развития российской дальневосточной политической программы. Автор рассматривает документ с исторической и правовой точки зрения с целью раскрыть его юридическую составляющую и углубить понимание его дипломатического значения и влияния на развитие международных отношений первой половины XX в. В статье представлен исторический материал о ключевых причинах и условиях, которые привели к подписанию конвенции. Особое внимание уделяется анализу ее содержания, ее основных принципов сотрудничества, которые заложили основы для регулирования отношений между Советским Союзом и Японией, а также изучению последствий, которые она имела для обеих стран, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В ходе исследования представляется авторская позиция о противоречивом характере конвенции от 1925 г., заключающемся в реализации сторонами своих внешнеполитических задач путем неравномерных уступок, в частности, для СССР. Подчеркивается вклад конвенции в формирование политических и экономических отношений Японии и СССР в последующие годы.

Ключевые слова: государство; право; политика; конвенция; декларация; протокол; соглашение; сотрудничество; принцип; защита прав.

THE SOVIET-JAPANESE BASIC CONVENTION OF 1925 (THE HISTORIC AND LEGAL ASPECT)

Vyacheslav T. Smaznov,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow,
Russian Federation
smaznov.slavik@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of international cooperation between the Soviet Union and Japan in the 1920s. The author uses the method of historical and legal analysis to examine the convention on the basic principles of relations between

the USSR and Japan that was adopted in 1925. The Convention was one of the first significant historical instruments of the 20th century within the framework of the development of the Russian Far Eastern political program. The author examines the document from a historical and legal point of view in order to reveal its legal component and deepen the understanding of its diplomatic significance and influence on the development of international relations in the first half of the 20th century. The paper presents historical resources on the key reasons and conditions that led to the signing of the Convention. Particular attention is paid to the analysis of the Convention's content, basic principles of cooperation enshrined in the Convention that laid the foundations for the regulation of relations between the Soviet Union and Japan. The author also examines the consequences the Convention had for both countries both in the short and long run. The study presents the author's standing regarding the contradictory nature of the Convention of 1925 expressed in realization by the parties of their foreign policy objectives through unequal concessions, particularly for the USSR. The contribution of the Convention to the formation of political and economic relations between Japan and the USSR in the following years is emphasized.

Keywords: State; law; policy; convention; declaration; protocol; agreement; cooperation; principle; protection of rights.

20-е гг. XX столетия ознаменовались для СССР так называемой полосой признания. В эпоху послевоенного восстановления советское государство стояло перед острой необходимостью удовлетворить «практические нужды страны, обусловленные голодом, упадком экономики»¹, в частности, важно было обеспечить максимально возможную безопасность, поэтому оно ставило своей главной целью решение этих проблем. В связи с чем особое внимание было уделено укреплению дипломатических и экономических отношений с внешним миром.

В рамках данного направления советским руководством было принято множество мер по учреждению мирных договоров на прибалтийском фронте, включая Польшу, а также на азиатском фронте (Иран, Турция). Особо важную роль для Советской России играли связи в Европе. Это и Рапальский договор с Германией в 1922 г. и торговое соглашение с Великобританией. В 1924 г. были установлены дипломатические связи между Советским Союзом и Китаем, что стало важным шагом на фоне обостряющихся противоречий между Японией и Соединенными Штатами и распадом японо-британского военно-политического союза, который был обусловлен конкуренцией за доминирование на азиатском континенте. Эти события сделали неизбежной необходимость урегулирования отношений между СССР и Японией.

В период после Октябрьской революции Япония вступила в ряды военных сил Антанты, направленных против РСФСР. С начала 1918 г. японские военные подразделения приняли активное участие в оккупации Сибири и Дальнего Востока, ведя борьбу с красными партизанами и частями РККА, в том числе поддерживая формирования белогвардейцев, а также осуществляя репрессивные меры против местного населения. Данные трагедии охватили Сохатино, Мазаново, Красный Яр, Павловку, Васильевку, Тамбовку, Андриановку и др. Интервенция японцев на территории России окончательно была завершена в 1922 г.

После окончания международного вмешательства Японии отношения между ней и СССР были далеки от компромисса. Япония не хотела заключать соглашения с идеологическим и территориальным противником. Но в то же время японский бизнес проявлял заинтересованность в развитии экономических связей с Советским Союзом, а политические круги СССР в условиях полосы признания, в свою очередь, ставили ключевой задачей на Дальнем Востоке установление дружественных связей с соседними странами.

¹ Исаев И. А. Восток — Запад: геополитические повороты России в X–XXI вв. // История государства и права. 2024. № 5. С. 6.

Экономические трудности, обусловленные буржуазной структурой, вынудили правительства капиталистических государств к диалогу с советским руководством². Это стало ключевым моментом в урегулировании дипломатических связей между Советским Союзом и странами с рыночной экономикой. В эпоху глубокого кризиса капитализма вопросы доступа к рынкам и ресурсам приобрели критический вес. Разрыв прежних экономических связей между Россией и странами с рыночной экономикой оказался крайне неблагоприятным для последних. Особенно ощутимыми были негативные эффекты от отказа от торговых отношений с Советским Союзом в периоды экономического спада, когда все внутренние противоречия капитализма достигали своего апогея. Япония и ее предпринимательские круги не стали тому исключением.

Непосредственным поводом к началу переговоров между СССР и Японией послужило официальное извещение советских органов власти японскому консулу в портовом городе Владивостоке от 13.02.1924. В документе заявлялось, что с этого момента статус японского консула перестает быть признанным советской стороной в качестве официального, и он будет считаться лишь частным лицом. И, как отмечалось выше, международное положение СССР на фоне признания в 1924 г. Великобританией, Францией и Китаем оказало сильное влияние на решение японской стороны о начале дипломатического диалога с Советами, отсчет которого пошел с 14 мая 1924 г.

В результате продолжительных переговоров по данной теме 20 января 1925 г. с целью «упрочить добрососедские отношения и экономическое сотрудничество»³ было заключено соглашение, известное как «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», или «Пекинский договор». В состав документа входили два дополнительных протокола, обозначенные как «А» и «Б», а также декларация правительства Советского Союза и две дипломатические ноты, которыми между собой обменялись стороны. Обе стороны официально утвердили документ в феврале этого года.

Основная юридическая сила Конвенции заключалась в факте официального становления консульских и дипломатических отношений. Неудивительно, что исторический памятник 1925 г. вобрал в себя практически все возможные сферы взаимодействия между странами, как настоящие, так и будущие, а также отрегулировал ретроспективные вопросы и претензии стран.

Документ предусматривал право на переоценку ранее достигнутых договоренностей. В частности, в ст. II основного текста Конвенции было признано, что договоры, подписанные до Октябрьской революции 1917 г., могут быть пересмотрены или отменены в свете новых обстоятельств, за исключением Портсмутского договора от 05.09.1905. Советский Союз демонстрировал готовность к укреплению дипломатических отношений с Японией и предотвращению возможных конфликтов. В то же время в сопроводительной декларации было особо подчеркнуто, что признание Правительством Союза СССР действительности Портсмутского договора не означает его согласие на общую политическую ответственность за его подписание вместе с прежним царским режимом. Советы официально заявили о своей политической непричастности к обязательствам, закрепленным в Портсмутском договоре, включая передачу Южного Сахалина Японии. Отказ СССР от политической ответственности за подписание Портсмутского соглашения впоследствии значительно упростил процесс его отмены с Японией после Второй мировой войны, так как Япония была проигравшей стороной. Говоря об ответственности СССР, также стоит упомянуть о ноте советского правительства, в которой полномочный представитель Л. М. Карахан по напору японской стороны предоставил извинения за произошедший в 1920 г. Николаевский инцидент.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33 : Государство и революция. Изд. 4. 1918. С. 117–129.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 8. 1 января — 31 декабря 1925 г. / М-во иностр. дел СССР. М. : Госполитиздат, 1963. С. 70–77.

В статье III стороны выразили намерение пересмотреть сущность Рыболовной конвенции 1907 г. (которая изначально была предусмотрена авторами на 12 лет), учитывая любые изменения, произошедшие в общей ситуации с момента подписания этого договора. Ранее состоявший из 14 пунктов постулат предоставлял японским гражданам право ловить и обрабатывать различные виды рыбы и водных продуктов вдоль берегов Японского, Охотского и Берингова морей. Для обеспечения этой возможности Россией гарантировались и свободное использование прибрежной территории для ремонта судов, засола и сушки рыбы и других целей. В соответствии со ст. III японцам разрешалось строить склады, здания, сушилки. Кроме того, они могли брать в аренду земельные участки за пределами, указанными в ст. I конвенции. Но также российской стороной были оговорены ограничения для рыболовной и связанной с ней деятельности: японские граждане должны заниматься ловлей и обработкой рыбы на специальных участках, арендованных на публичных торгах. Важно подчеркнуть, что под запретом промышленной и иной ловли были котики и морские бобры. О взаимовыгоде данного соглашения прямо говорят статьи V и XII, в которых описывались обязательства России не налагать экспортные пошлины на рыбные продукты, добытые в прибрежных и амурских регионах, если они направлены в Японию, и Японии не взимать импортные пошлины на такие товары. Новая Рыболовная конвенция будет принята только в 1928 г. Фактически она явится копией старой конвенции, однако она уже не позволит японцам нанимать местных жителей для рыбной ловли и переработки на арендованных ими участках, что существенно снизит их прибыльность. Отяготит труд также и более высокая арендная плата за участки и запрет на оставление в зимнее время своих работников на территории СССР.

В статье IV участники договора единодушно согласились заключить в будущем договор о торговле и мореплавании. Однако, как отмечает А. А. Кошкин, власти Японии всеми силами оттягивали урегулирование этого вопроса. По его словам, договору препятствовала «позиция Токио в отношении открыто действовавших вопреки положениям конвенции на территории Японии и ЮМЖД белоэмигрантских организаций»⁴. Военные силы Японии, для которых Россия и позднее СССР были устоявшимися врагами, выражали свое недовольство в связи с примирением отношений. Они использовали аргумент необходимости противостояния, чтобы обеспечить себе значительные финансовые средства из государственного бюджета.

Еще более важной частью ст. IV явился список основополагающих принципов экономического сотрудничества стран, каждая из которых обязывалась руководствоваться ими при совместной работе. Среди них были следующие принципы:

- а) идея свободного въезда, передвижения и пребывания на территории другой стороны;
- б) концепция непрерывной защиты безопасности жизни и имущества граждан или подданных каждой из стран;
- в) право на частную собственность на своей территории, а также свобода заниматься торговлей, мореплаванием, промыслами и другими мирными видами деятельности;
- г) принцип «наибольшего благоприятствования», означающий, что ни одна из сторон, подписавших договор, не должна применять специальные меры против другой стороны, такие как запреты, ограничения или налоги, которые могут стать препятствием для развития экономического или любого другого взаимодействия между странами.

В статье V закреплён основной политический принцип. Оговорено общее стремление к мирному и дружественному сосуществованию, демонстрируя глубокое уважение к неоспоримому праву каждого государства на самоопределение и формирование своего внутреннего устройства в рамках его собственной юрисдикции согласно собственным принципам, а также к обязательству не совершать любых действий, которые могли бы представлять угрозу стабильности или безопасности

⁴ Кошкин А. А. Россия и Япония : Узлы противоречий. М. : Вече, 2010. С. 146.

любой части территории договаривающихся стран. Что интересно, инициатива о включении в Конвенцию этой статьи была с японской стороны, которая была озабочена возрастанием революционных волнений в Японии. Страх небеспочвенен: например, Л. Д. Троцкий в «Письме в ЦК РКП(б) о подготовке элементов «азиатской» ориентации» в 1919 г. действительно подтверждал данные намерения: «Перед нами здесь открывается несомненная возможность активности по азиатским линиям... разумеется, мы и ранее имели в виду необходимость революции в Азии и никогда не отказывались от наступательных революционных войн»⁵.

В статье VI, учитывая потребности Японии в ресурсах, правительство Советского Союза дало согласие на предоставление японским гражданам, предприятиям и ассоциациям лицензии на использование природных ресурсов, включая минералы, леса и прочее, на всей площади страны.

Рассматривая протокол «А», важно осветить следующие моменты. Согласно договоренности участники обязывались гарантировать защиту прав на движимое и недвижимое имущество, ранее принадлежавшее России в Японии и наоборот, до 7 ноября 1917 г. Это было практически важно, например, для разрешения спора о владении некоторыми японскими финансовыми учреждениями средствами, ранее принадлежавшими официальным лицам царской администрации и разнообразным структурам, которые вели активные военные действия против советской власти на просторах Советского Союза, поскольку СССР считал, что эти депозиты бывшей России по правопреемству должны быть переданы полпредству Советского Союза в Японии, которая, в свою очередь, считала иначе. Также в договоре было оговорено начало обсуждения вопроса о возврате долгов, которые Россия должна была японскому правительству и частным лицам в связи с займами и казначейскими векселями бывших царских и временных администраций России. Однако этот вопрос был отложен Конвенцией для будущих переговоров.

Важно отметить, что было достигнуто соглашение о выводе японских войск с оккупированных территорий Северного Сахалина. Японской стороне, желающей продолжить добычу нефти на острове, пришлось сделать уступки. Длительные переговоры привели к учинению статьи III об эвакуации своих войск к 15 мая 1925 г. Обоснованность такого шага со стороны Японии наглядно продемонстрирована в протоколе «Б», согласно которому Япония получила право на протяжении 40–50 лет получать 50 % от доходов от каждого добывающего нефтяного поля на территории Северного Сахалина, несмотря на то что Япония настаивала на получении концессии на управление всеми или минимум 60 % нефтяных скважин. Японским компаниям было разрешено проводить поиск новых нефтяных залежей вдоль восточного берега Северного Сахалина на территории в одну тысячу квадратных верст. Кроме того, им были предоставлены 2 угольные концессии на той же территории. В качестве вознаграждения за эти права японские концессионеры обязывались передавать Советам от 5 до 8 % доходов от угольных месторождений и от 5 до 15 % доходов от нефтяных месторождений. Для осуществления концессий им разрешалось использовать лесные ресурсы и строить необходимую инфраструктуру.

Конвенция между СССР и Японией стала результатом взаимовыгодного сотрудничества, хотя и не смогла предотвратить последующие политические и экономические конфликты между государствами. Так, японская сторона отказала в требованиях НКВД СССР, направленных в декабре 1925 г., по вопросу о возвращении российского золота, что, безусловно, свидетельствовало о юридической мнимости договора в отдельных его сферах⁶. Конвенция включала значительные уступки со стороны СССР. Однако главная задача договора со стороны СССР — дипломатическое признание Японией, идеологическим противником, — была выполнена. Также были разрешены злободневные вопросы о статусе территории Северного Сахалина, выводе японских

⁵ Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Ин-т всеобщей истории РАН, Федер. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения документов новейшей истории; отв. ред. Я. С. Драбкин. М.: Наука, 1998. С. 146, 148.

⁶ Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003.

войск, концессии на использование природных ресурсов были ограничены в пользу Советского Союза, а переговоры о долгах царского правительства были отложены на потом. Москва путем ратификации Конвенции заполучила желаемые политические преференции и международный престиж в обмен на экономические уступки «нуждающейся» Японии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Документы внешней политики СССР / М-во иностр. дел СССР. Т. 8 : 1 января — 31 декабря 1925 г. — М. : Госполитиздат, 1963. — 865 с.
2. Исаев И. А. Восток — Запад: геополитические повороты России в X–XXI вв. // История государства и права. — 2024. — № 5. — С. 2–8.
3. Коминтерн и идея мировой революции : документы / Ин-т всеобщей истории РАН, Федер. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения документов новейшей истории ; отв. ред. Я. С. Драбкин. — М. : Наука, 1998. — 947 с.
4. Кошкин А. А. Россия и Япония : Узлы противоречий. — М. : Вече, 2010. — 480 с.
5. Кутаков Л. Н. Россия и Япония. — М. : Наука, 1988. — 384 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33 : Государство и революция. — Изд. 4. — 1918. — 486 с.
7. Панов А. Н., Саркисов К. О., Стрельцов Д. В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. — М. : Международные отношения, 2019. — 456 с.
8. Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. — М. : Вече, 2003. — 384 с.

REFERENCES

1. Documents of the USSR foreign policy. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Vol. 8: January 1 — December 31, 1925. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1963. (In Russ.).
2. Isaev IA. East — West: geopolitical turns of Russia in the 10th — 21st centuries. *History of State and Law*. 2024;5:2-8. (In Russ.).
3. Comintern and the Idea of World Revolution: Documents. In: Grabkin YS (ed.). Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Federal Archive Service of Russia, Russian Center for Storage and Study of Contemporary History Docs. Moscow: Nauka Publ.; 1998. (In Russ.).
4. Koshkin AA. Russia and Japan: Nodes of Contradictions. Moscow: Veche Publ.; 2010. (In Russ.).
5. Kutakov LN. Russia and Japan. Moscow: Nauka Publ.; 1988. (In Russ.).
6. Lenin VI. Complete Works. Vol. 33: State and Revolution. 4th ed. 1918. (In Russ.).
7. Panov AN, Sarkisov KO, Streltsov DV. The History of Japan's Foreign Policy 1868–2018. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2019. (In Russ.).
8. Cherevko KE. Sickie and hammer against the samurai sword. Moscow: Veche Publ.; 2003. (In Russ.).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 573
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

3 / 2024

WWW.RUS-LAW.ONLINE